

МОЙ

УНИКАЛЬНЫЙ

ПАРТНЕР

ВЛАДА СОФИНА

18+

Влада Софина

Мой уникальный партнер

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Софина В.

Мой уникальный партнер / В. Софина — «ЛитРес: Самиздат»,
2020

Максим и Лиза – две абсолютных противоположности: она – роскошная элитная стриптизерша, он – простой водитель «Скорой помощи», правда, обладающий некоторыми не совсем обычными способностями. У них нет ровным счетом ничего общего, и их пути никогда бы не пересеклись... если бы в один прекрасный день их насильно не приставили друг к другу, заставив вместе выполнять миссию государственной важности и объявив, что от результатов их партнерства теперь зависит будущее страны...

Содержание

Предисловие и посвящение	5
Часть 1. Лиза	6
Часть 2. Максим	20
Часть 3. Москва	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Предисловие и посвящение

2020-й – год партнерства и сотворчества. С точки зрения нумерологии две двойки, стоящие рядом, образуют очень сильную комбинацию, которая говорит о том, что любая совместная деятельность – будь то общая работа, проект или отношения – в этом году даст очень яркие и мощные результаты, такие, которых никогда не достигнуть в одиночку.

Идея книги изначально возникла именно из этой мысли – как бы сильны мы не были по отдельности, но вместе мы можем гораздо больше. Об этом говорят и священные писания «Каждой твари по паре», и, по сути, весь мир построен на этом простом законе, ведь каждый из нас является результатом взаимодействия двух людей (опять двойка!), которые когда-то встретились и решили вместе продолжить род.

Отсюда логично вытекает идея уникальности – ведь далеко не каждый партнер нам подходит, очень важно найти своего, идеально усиливающего наши достоинства и перекрывающего недостатки. Но существует ли такой вообще? Если да, то где и как его искать? Возможно, мы каждый день смотрим друг на друга и не видим – а может, мы настолько разные, что при встрече просто пройдем мимо и даже не обернемся? Как понять, что тот человек, который рядом – действительно мой уникальный партнер? Как сделать выбор и не ошибиться?..

Данная книга целиком и полностью посвящена партнерству, во всех его проявлениях – тому самому, что делает людей непобедимыми, меняет мир и переписывает историю.

Вдохновением и образом главного героя я целиком и полностью обязана одному человеку, без которого эта книга никогда бы не написалась, во всяком случае, в том виде, в котором она есть сейчас.

Максим, я бесконечно благодарна миру за нашу встречу, ты навсегда в моем сердце.

Часть 1. Лиза

Противный, режущий желто-оранжевый свет пробивался через Лизины полуприкрытые веки, вызывая непреодолимое желание размахнуться и со всей силы разбить эту чертову лампу.

Она даже сделала попытку поднять руку – но тут же поняла, что руки, как и ноги, теперь ее не слушаются. В голове навязчиво гудел набат, иногда перемежаясь с чьим-то невнятным бормотанием.

– Вот же навязалась, дурная, на мою голову... И что теперь прикажешь с тобой делать?.. Да стой, тебе говорят, не вались!..

В следующее мгновение земля стремительно понеслась ей в лицо. Столкновение оказалось болезненным, но при этом почему-то очень забавным, и Лиза бессмысленно захихикала.

– Вот дура! – выругался голос уже громче, и в следующую секунду девушка почувствовала, как чьи-то руки резко и грубо схватили ее подмышки и рывком поставили на ноги.

– Ай! – обиженно сказала Лиза. Стоять ей совсем не хотелось, ноги заплетались и норовили в любой момент опять подогнуться.

– Ну куда, куда ты падаешь, постой минуту, ключ вытащу! Вот, привались пока. – Руки раздраженно толкнули ее к стене. Правильное, но увы, абсолютно бесполезное решение. Найдя точку опоры, Лиза тут же начала медленно, но верно по ней сползать.

– Да едрён батон, – устало сказал голос. – До чего же я ненавижу пьяных баб.

– Да пошел ты, – хотела было огрызнуться Лиза, но оказалось, что язык слушается ее не лучше тела, и вместо ответа вышло лишь невнятное мычание.

– Да, да, конечно. Шагай давай. – в этот раз ее подняли за шкирку, как шелудивую кошку, и бесцеремонно впихнули в открывшийся дверной проем.

– Вот и пришли почти, – констатировал голос с ноткой некоторого удовлетворения. – Давай теперь аккуратнo, не падаем, молодец, вот сюда...

Ее аккуратнo усадили на что-то мягкое с твердой спинкой. Девушка попыталась было поднять голову, но она вдруг оказалась слишком тяжелой, а в глаза снова ударил пронзительно яркий свет.

– Лиза. – Вдруг отчетливо произнес голос прямо ей в ухо. – Ты меня слышишь? Посиди здесь минуту, я сейчас приду.

От звука своего имени девушка очнулась и попробовала сфокусировать взгляд на человеке, стоящем перед ней. Но оказалось, что зрение тоже временно покинуло ее: перед глазами все сливалось в одно большое разноцветное пятно.

– Лампа, – хотела было сказать Лиза. – Выключите чертову лампу, – но пока она собиралась с мыслями, человек уже исчез, оставив ее наедине с безжалостно ярким светом. Девушка беспомощно закрыла глаза рукой и тут же почувствовала, как комната вокруг нее начинает бешено вращаться. Чтобы остановить эту круговерть, Лиза попыталась встать, но ее тут же опрокинуло обратно на пружинящую мягкую поверхность.

Комната закручивалась все быстрее, и одновременно Лиза чувствовала, как сознание неумолимо покидает ее. Последнее, что она услышала, была отборная ругань:

– Эй, ты что, блевать тут собралась? Даже не думай! Твою мать, ну что ж ты так нажралась-то?! А ну, быстро пошла в ванну! Ну, что за свинья...

Ее снова схватили под мышки и куда-то поволокли.

«Да я что тебе, мешок с картошкой?!» – возникла справедливая мысль в Лизиной голове, чудом пробившись сквозь тяжелый алкогольный дурман. Вот бы вмазать как следует, но сейчас нет сил. Комната вращалась с той же скоростью теперь уже в другую сторону.

«Боже мой, как плохо» – подумала Лиза, перед тем как окончательно отключиться.

* * *

Она проснулась от звуков телевизора. В нос ударил запах еды, что-то очень противное, типа бигуса с печеночной котлетой, отчего ее тут же с новой силой начало тошнить. Зато комната больше не вращалась, а пол перестал играть с Лизой в догоняшки, и девушка наконец смогла нормально открыть глаза.

Впрочем, она тут же об этом пожалела, потому что робкие надежды на то, что все это было сном и она проснется в собственной постели, рассеялись, как дым. Она явно была не дома. Точнее, дома, но не у себя.

Лиза с трудом подняла голову и тут же сморщилась от боли – в затылок будто ударили молотком. Что она такое вчера пила? Или уже сегодня?.. Впрочем, сейчас, пожалуй, это не имеет значения – по крайней мере, не такое, как то, где она находится и какого черта тут делает.

Лиза ошалело оглянулась вокруг. Комната была весьма странного, какого-то полуподвального вида. Окон не наблюдалось, по крайней мере, Лиза их не видела. В углу были натянута длинные веревки, на которых сушились какие-то вещи, одежда... Посередине на журнальном столике стоял древний цветной телевизор, по которому как раз сейчас показывали хоккей.

От дивана, на котором лежала Лиза, телевизор отделял еще один низенький длинный стол. На нем как раз стояла и благоухала тарелка со злосчастным бигусом. Девушка зажала нос и поспешно отвернулась, почувствовав, как все выпитое и съеденное накануне отчаянно просится наружу.

«Кто может есть такую дрянь?» – подумала Лиза, и тут, наконец, ее взгляд остановился на мужчине. Он сидел совсем рядом с ней, а если точнее, на том же самом диване, с аппетитом поедая бигус и, как ни в чем не бывало, смотрел хоккей по телевизору.

Какое-то время девушка пристально вглядывалась в него, наморщив лоб от усилий вспомнить, кто это такой и откуда он здесь взялся. Или, точнее сказать, это не он, а она откуда-то взялась у него. Кстати, здесь это где?..

Лиза снова оглянулась по сторонам, но это ничего не дало – по комнате невозможно было определить, что это за место или хотя бы какой район города.

Так, давайте по порядку. Вчера она пошла в клуб, там была большая вечеринка. Наливали бесплатно, поэтому пила все подряд. Начала с шампанского, потом угостили «Сексом на пляже», потом она выиграла в конкурсе мартины... А что было потом? И откуда взялся этот мужик?

Лиза протерла воспаленные глаза и попыталась сесть на диване. «Мужик» никак не отреагировал на ее телодвижения и продолжал увлеченно поглощать бигус и смотреть хоккей. Зато девушка к своему бесконечному удивлению обнаружила, что из одежды на ней только трусы и чужая затасканная, не очень-то свежая футболка.

– Что за черт? – пробормотала Лиза и ощупала себя со всех сторон, чтобы удостовериться. Да, все так и есть, даже лифчика не осталось.

– Что вы со мной сделали? – уже громче обратилась она к мужику. Вопреки ее желанию, это прозвучало довольно жалко, потому что голос все еще не слушался, а язык заплетался.

Но это было неважно, потому что мужик никак не отреагировал, то есть совсем. Даже не повернул головы и продолжал все также самозабвенно пялиться в телевизор и активно жевать. Как будто он был в комнате один, и никакой Лизы здесь в помине не было. В этом молчании девушке увиделась насмешка, и поэтому ей тут же захотелось выбить тарелку с бигусом у него из рук.

– Эй, вы слышите меня? – почти закричала она. – Какого хрена, где моя одежда?! И что я вообще здесь делаю, зачем вы меня сюда притащили?

Видимо, такой диалект собеседнику был более понятен, потому что в ответ он со вздохом перестал жевать, отставил тарелку и наконец-то повернулся к Лизе. На нее в упор уставились глубоко посаженные белесые глаза с длинными светлыми ресницами. От этого взгляда девушке почему-то стало не по себе, и она замолчала, хотя обычно была далеко не из пугливых. Какое-то время мужчина рассматривал ее без единой эмоции на лице, после чего выдал две короткие фразы:

– Че разоралась? Дай досмотреть полуфинал, – и снова уткнулся в телевизор.

Какое-то время Лиза ошарашенно молчала, переваривая услышанное. Отравленный алкоголем мозг все еще соображал очень туго, но какое-то внутреннее чутье подсказало ей, что с этим типом истерики и хамство не сработают. Было в нем что-то такое, что Лизе совсем не понравилось, а уж мужиков за свой недолгий век она повидала достаточно.

Девушка опасливо подтянула колени к груди, насколько смогла, натянула на них футболку и попыталась собраться с мыслями. Надо сказать, что Лиза отнюдь не была глупой, несмотря на то, что иногда производила такое впечатление. Иначе она не получила бы в свое время диплом бакалавра и не работала в престижной московской компании.

Впрочем, сейчас ей не надо было быть семи пядей во лбу, чтобы понять: произошла какая-то «засада», из которой надо срочно выбираться любым возможным способом. И вот здесь как раз ей очень пригодились логическое мышление.

Так, во-первых, без паники. Мужик, конечно, странный и неприятный, но раз он до сих пор ничего плохого ей не сделал... (а точно не сделал?). Лиза внимательно прислушалась к своим ощущениям. Да нет, секса не было, однозначно. Конечно, не исключено, что он на него еще рассчитывает, но, во всяком случае, не пристаёт и не насилует, это уже хорошо. Так вот, раз он до сих пор ей ничего не сделал, значит, есть возможность, что удастся мирно договориться. Что там любят такие, как он? Лесть? Уговоры? Слезы?

Лиза решила начать с уговоров.

– Послушайте, – сказала она максимально спокойно и убедительно. – Мне нужно идти. Верните, пожалуйста, мою одежду.

Ничего. Ни малейшей реакции. Похоже, новоиспеченный знакомый снова забыл про Лизу, увлекшись очередным поворотом игры.

Ладно, значит, настал черед логики.

– Какой смысл меня здесь держать? – резонно аргументировала девушка. – Зачем я вам нужна? К тому же, меня будут искать.

Ну, это, положим, вранье, но ему-то откуда знать? Авось, сработает.

Не сработало. Все та же тишина и отсутствующий взгляд в экран телевизора. Ну что ж, придется переходить к контраргументам.

Лиза глубоко вздохнула, со всей силы закусил губу и заплакала.

К слову, надо сказать, она не притворялась. Действительно плакала, этот прием был безупречно отработан ею с детства, когда нужно было выпросить желанную вещь или сделать так, чтобы родители не ругали за двойку. Позднее он был отточен на мальчиках и мужчинах, которыми Лиза успешно манипулировала, и, надо сказать, всегда работал безотказно и никогда ее не подводил. Может, потому, что плачущая Лиза моментально становилась удивительно хрупкой и беззащитной, и с ней уже невозможно было спорить – только гладить по голове и защищать.

Не подвел он и на этот раз. Мужчина сморщился, как от зубной боли, раздраженно шелкнул пультом телевизора и бросил сквозь зубы:

– Вот бабы... Ведь просил же. Ну, чего ты ноешь?..

– Я хочу домой, – горестно всхлинула Лиза, из-под мокрых ресниц наблюдая краем глаза за его реакцией.

– Так иди, – ее тюремщик недоуменно пожал плечами. – От меня-то чего хочешь?

– А можно? – не поверила Лиза.

– А кто тебя держит? – он презрительно фыркнул. – Сама же сказала, зачем ты мне тут нужна?

– Но вы же сами меня сюда притащили, – удивленно возразила Лиза, проворно вытирая с лица остатки слез. – Зачем-то сняли с меня всю одежду... Вы извращенец, что ли? – она все-таки не выдержала до конца роль жертвы и снова перешла на изобличительный тон.

Мужчина снова повернул голову и уставился на нее своими белесыми глазами, но теперь в его взгляде читалось откровенная брезгливость.

– А ты, наверно, хотела, в блевотине валяться? Так оно, видать, привычной, да? Да вон твои тряпки, сушатся висят, хоть сейчас одевай и чеши.

Он кивнул на веревки в углу, и Лиза с удивлением узнала на них свои колготки, лифчик и платье. Девушка тут же вскочила с дивана и устремилась к ним так быстро, как только позволяло ее тяжелое и непослушное с похмелья тело. Скорее переодеться и валить отсюда, пока этот жутковатый тип не передумал.

Вещи были все еще холодные и влажные, но Лизе было все равно. Она быстро натянула колготки, кое-как через низ влезла в платье, после чего с облегчением стащила с себя чужую футболку. Лифчик был совсем сырым, и, подумав, Лиза скомкала его и сунула в сумку, которая обнаружилась там же, в углу. Свое пальто и ботинки она нашла возле входной двери, к счастью, они выглядели вполне прилично и в чистке на первый взгляд не нуждались.

Впрочем, какая разница? Дома с этим разберусь, а теперь тикать отсюда, быстро! Она с опаской обернулась через плечо, но мужчина все так же сидел на диване и даже не смотрел на нее. Держась за стену, чтобы не упасть (головокружение все еще не отпускало), Лиза с трудом натянула сапоги, даже не застегивая, набросила поверх мокрого платья пальто, и как попало напялила сверху шарф. Просто форменное чучело, но это неважно – главное сейчас выбраться отсюда на свободу.

Лизе почему-то до последнего не верилось, что она сможет так просто уйти. Странное поведение мужчины никак не укладывалось у нее в голове. Ну, зачем было тащить ее к себе посреди ночи, пьяную вдрызг, отмывать от блевотины, приводить в чувство, стирать ее одежду... чтобы потом так просто отпустить? Нет, Лизин жизненный опыт показывал, что так не бывает. Ее снедало любопытство, которое сейчас было абсолютно неуместно и даже опасно. В конце концов, не все ли равно, что ему было надо?! Не держит – и слава Богу!

Лиза решительно шагнула к двери, но зачем-то громко сказала напоследок:

– До свидания, – сама не зная толком, какой ответ хочет получить, но его не последовало. Ну, и ладно – подумала Лиза и потянула дверь на себя ... чтобы обнаружить, что она заперта на ключ изнутри.

Ну, вот оно. Так и знала. Сердце девушки ушло в пятки. Она еще пару раз дернула, чтобы убедиться – все напрасно, закрыто. Теперь понятно, почему он был так спокоен и не держал ее – просто знал, что она не сможет уйти. Вот теперь ей стало по-настоящему страшно.

Воистину, все ужасики мира отдыхают по сравнению с теми кошмарами, которые могут рождаться в нашей голове. За пять секунд перед Лизиними глазами пронеслось с полтора десятка различных психических отклонений, которыми может страдать мужчина среднего возраста, а также их клинические проявления. Вспомнились статьи в газетах о жертвах маньяков, которые она столько раз читала, но почему-то ни разу ей не пришло в голову, что она сама может стать такой жертвой. Особенно, если будет ходить в ночные клубы одна, уезжать с незнакомцами и напиваться до потери сознания.

Спокойно, сказала себе Лиза. Главное, не терять самообладания. Как только ты запаниковал – считай, уже проиграл. Ни в коем случае нельзя показывать, что она его боится.

Она как можно более непринужденно повернулась и, стараясь, чтобы голос не дрожал, вежливо попросила:

– Откройте, пожалуйста, дверь.

Она ожидала, что придется повторять просьбу многократно и на разные лады, уже готовила про себя различные варианты – но мужчина неожиданно легко поднялся и пошел ей навстречу. Только сейчас Лиза увидела, какой он здоровый – наверное, под два метра ростом, и какие у него массивные плечи, почти как у орангутанга. Прекрасное дополнение к жутким белесым глазам – и этот страх господний приближается к ней с абсолютно непонятными намерениями...

Лиза едва сдержалась, чтобы не завизжать и не закрыть лицо руками. Что она сможет сделать, если он сейчас нападет? Да абсолютно ничего.

«Господи», – пообещала про себя девушка, – «Я брошу пить, только дай мне отсюда выйти...»

Тем временем, орангутанг неспешно подошел к двери и, ловким движением достав откуда-то ключ, два раза повернул его в замке. Дверь легко открылась, впустив в комнату освежающий ночной воздух.

– До свидания, Лиза, – сказал орангутанг, внимательно разглядывая ее своими нечеловеческими глазами. – Больше так не пей и не знакомься с кем попало, а то кто знает, что может случиться.

Лизе померещилась в этих словах не то насмешка, не то скрытая угроза, она с опаской взглянула на него – однако его лицо было абсолютно серьезным, тяжелый взгляд застыл в одной точке на Лизиной переносице, словно пытаясь прожечь в ней дыру.

Альбинос, вдруг вспомнила девушка. Вот как называют этих людей.

– Я пойду, – сказала Лиза, прижав к себе сумку.

– Подожди. Ты обронила, – он протянул руку, на которой лежала длинная Лизина перчатка.

– Спасибо. – Девушка быстро взяла ее и попыталась протиснуться к двери. Это было нелегко, поскольку альбинос почти полностью заслонил собой проход. Впрочем, он особо не препятствовал, просто стоял, как мраморное изваяние, и задумчиво ее разглядывал. Как будто она представляла для него какой-то интерес, но вот какой, он пока еще точно не решил.

Ладно, хватит – подумала Лиза и, решительно подвинув его плечом, шагнула к выходу.

– А танцуешь ты классно. Особенно на шесте... – Услышала она уже на пороге и пулей вылетела за дверь.

* * *

На улице Лизе в лицо тут же ударил холодный февральский ветер. Первое время она неслась, не разбирая дороги, рискуя свалиться и сломать каблук, который точно не был рассчитан на длительные ночные пробежки.

Лишь убедившись, что опасность осталась позади и ее никто не преследует, девушка остановилась, перевела дух и огляделась по сторонам.

Но смотреть, собственно, было не на что. Темнота, хоть глаз выколи, вокруг ни одного приличного здания, ни огонька, только деревья, ветки которых нагло лезут в лицо, и какие-то непонятные постройки еще довоенного вида, с окнами, уходящими в землю. Очевидно, из одной из них Лиза только что сбежала. Что это за район такой странный? Ладно, допустим, побег удался, но что дальше?.. Найти бы хоть бы какой-то опознавательный знак или табличку с адресом, куда вызвать такси.

Лиза без особой надежды нащупала в сумке телефон, чтобы включить фонарик – но, увы, и здесь ее ждало разочарование – мобильный был полностью разряжен.

– Вот черт... – выругалась девушка. Теперь и такси не вызовешь. Ну, и что дальше? Идти пешком? Но куда?..

На нее тяжелой мутной волной снова накатила дурнота. Кредит сил, который организм выделил ей на адреналине для освобождения из плена, теперь был исчерпан, и Лиза вновь ощутила муки похмелья. Голова кружилась, во рту адски пересохло, ноги дрожали и отказывались повиноваться. Вдобавок от пережитого стресса очень хотелось закурить, но по закону подлости Лиза не смогла отыскать в сумочке ни сигарет, ни зажигалки.

Точно, они же кончились вчера в клубе, вспомнила девушка. Кажется, она у кого-то стреляла...

Перед глазами тут же возникло жутковатое лицо с белесыми глазами. Точно! Она познакомилась с ним в курилке. Потом они, кажется, вместе пели в караоке. А что потом?..

Провал. Ни одного воспоминания. В отчаянии Лиза присела на корточки, обессилено прислонившись спиной к дереву. Зашибись, «потусила», блин! И что теперь делать?..

В этот момент где-то в отдалении замаячил свет фар. Машина! – сообразила Лиза и с надеждой вскочила на ноги. Значит, там дорога. Точно, надо идти на дорогу, авось, она куда-нибудь выведет.

Спотыкаясь, ломая каблуки и царапаясь об ветки, девушка из последних сил потащила свое тело в направлении спасительных огней. Вскоре ее усилия были вознаграждены, и она действительно оказалась на дороге. Идти теперь стало значительно легче, ноги больше не подгибались, а огни впереди приближались и становились ярче, а вскоре, к небывалой Лизиной радости, к ним добавились голоса и звуки музыки.

Через какое-то время она вышла из глухого темного переулка со странными постройками на полностью освещенную улицу и с удивлением обнаружила себя стоящей возле шумной ночной пиццерии. Да это же почти центр города, один из самых оживленных районов! Лиза, позабыв об усталости, почти бегом бросилась к пиццерии, как к своему спасению. Сто раз она ела здесь пиццу с друзьями, но никогда не любила это заведение больше, чем сейчас. Неужели она сделала это, она выбралась!

На крыльце курили какие-то парни. Лиза обрадовалась им, как своим давним хорошим друзьям:

– Ребята, привет. Угостите сигаретой?

На нее посмотрели немного странно, очевидно, видок был еще тот, но закурить дали.

Успокаивающе щелкнула в руках зажигалка. Лиза сделала жадную затяжку и тут же почувствовала, как земля вновь уплывает из-под ног. Весь стресс этого вечера навалился на нее с новой силой, смешавшись с огромным количеством еще не выветрившегося из крови алкоголя, отчего ноги опять сделались ватными и непослушными. Лиза почувствовала подступающую к горлу тошноту и схватилась рукой за перила, чтобы не упасть.

– Девушка, у вас все в порядке? – участливо спросил парень, угостивший ее сигаретой.

Лиза молча покачала головой и неожиданно для себя разревелась теперь уже по-настоящему.

– Так, ребята! – парень громко хлопнул в ладоши, чтобы привлечь внимание друзей. – Планы меняются. Тут человеку плохо, нужно срочно подвезти.

* * *

Лиза зашла домой под утро. На улице уже светало, еще час-другой – и собачники начнут выводить своих питомцев, спортсмены выбегут на пробежку. Первое, что сделала Лиза, переступив порог своей квартиры – заперла дверь на все имеющиеся замки. Никогда еще она не испытывала такой потребности в безопасности, как сейчас.

И дело было отнюдь не в том, что она боялась мужчин – как раз их у Лизы к ее годам было достаточно, она умела себя с ними вести и получать от них то, чего ей хотелось. Однако этот конкретный мужчина почему-то до дрожи ее напугал. Его поведение, манера разговора,

взгляд и это леденящее молчание у двери, когда он словно думал, отпускать ее или нет... Не говоря уже о глазах, брррр...

При одном воспоминании Лизу передернуло, она бросилась в ванную и, наклонившись над унитазом, сунула два пальца в рот, чтобы окончательно прочистить желудок. Это помогло, и спустя непродолжительное время ей стало лучше.

Однако последняя фраза альбиноса решительно не давала девушке покоя, даже когда она наконец свалилась в постель с диким желанием вырубиться и проспять все сорок восемь часов.

«Ты классно танцуешь, особенно на шесте...»

Откуда он знает?!

* * *

Да, Лиза занималась стриптизом. Уже давно и достаточно основательно. Желание раздеваться и показывать свое тело впервые возникло у нее в подростковом возрасте и с годами только усиливалось. Как только девушка устроилась на работу и стала зарабатывать свои собственные деньги, она начала брать уроки пилона. Ее преподавательница сразу увидела в ней большой потенциал и сказала, что при желании и если будет упорно заниматься, она сможет добиться большого успеха.

Чего-чего, а желания у Лизы было хоть отбавляй. Она ходила на тренировки вечерами после работы, с остервенением осваивала технику, превращая все тело в одно гигантское месиво из синяков. Она была больна этим танцем и не собиралась останавливаться. Почему-то именно на шесте она чувствовала себя живой.

Сначала Лиза танцевала в клубах за символическую плату, но со временем ее стали приглашать выступать на закрытых вечеринках для элиты города.

Так началась ее двойная жизнь. На буднях Лиза была обычным офисным сотрудником со скучной заурядной должностью и стабильной зарплатой. На выходных – с облегчением снимала осточертевшую за неделю маску хорошей девочки и на один или два вечера превращалась в отвязную, безбашенную оторву, лишённую всякого стеснения и зажигающую на шесте под восхищенные взгляды мужчин.

Разумеется, об этой части ее жизни никто не знал. Ни родители, ни, упаси господи, коллеги, ни даже лучшая подруга. Лиза боялась ее в себе также сильно, как и любила, и под страхом смерти никому бы об этом не рассказала. Тем более, что теперь, когда она больше не танцевала для простой публики, риск того, что ее увидит кто-то из знакомых, стремился к нулю.

Так какого черта?! Откуда взялся этот альбинос, и чего ему от нее было надо?

* * *

С этой мыслью Лиза заснула, и с ней же открыла глаза на следующее утро.

В совпадения подобного рода она не верила. Явно не просто так она оказалась у него в квартире. Но чего он хотел?

Ладно, допустим, что он видел ее где-то в клубе. Это очень маловероятно, поскольку на тех мужчин, для которых Лиза обычно выступала, он явно не тянул. Не тот уровень, да и хата, откровенно говоря, стремная. На таких вечеринках ему просто нечего делать, его бы даже на порог не пустили, это вам не вчерашняя городская тошнилровка...

Но допустим, что все-таки где-то увидел. Ну, и что дальше?..

В квартире стоял душный запах перегара. Лиза достала из заначки в комодке початую пачку сигарет и в одной пижаме вышла на балкон. Ее резко обдало морозной утренней свежестью, полураздетое тело тут же покрылось мурашками, но в данный момент это было даже приятно. Лиза осторожно затянулась, проверяя, как организм с похмелья отреагирует на сига-

реты. Голова слегка закружилась, но ничего, терпимо. Лиза сделала обжигающий глоток кофе и, задумчиво глядя на окна соседнего дома, стала по кусочкам восстанавливать в памяти вчерашний вечер.

Все началось с того, что у нее отменилось выступление, и она решила пойти в клуб просто потанцевать. Изначально пришла вместе с подругой, какое-то время они тусовались вместе, а потом Катька куда-то исчезла, и, очевидно, появился этот... Она даже не знает, как его зовут. О, точно, может, Катька сможет что-то рассказать? Надо ей позвонить.

Лиза затушила сигарету, вернулась в квартиру, нашла в сумке разряженный в ноль телефон и, воткнув в него зарядное устройство, набрала номер подруги.

– Алло... – ответила Катя сонным голосом после пятого гудка.

– Привет. Ты как? – осторожно спросила Лиза.

– Ты серьезно? – как-то странно отреагировала та.

– Ну да, а что?.. – Лиза начала чувствовать неладное.

– А ты чего звонишь-то? – теперь в Катином голосе явственно слышалась обида. – Уехала вчера с каким-то мужиком, бросила меня одну, без денег, да еще и за коктейли свои не заплатила, выкручивайся как хочешь, дорогая подруга. Я, конечно, понимаю, что он сразил тебя наповал, но о других-то тоже хоть немного надо думать...

– Подожди, кто меня сразил? – не поняла Лиза.

– Ну как кто, этот, с которым ты целовалась весь вечер, а потом свалила...

– С кем целовалась? – ужаснулась Лиза. – С альбиносом?!

– Да почему с альбиносом... – удивилась Катя. – Нормальный мужик был, красавчик, и при бабле, вроде. В караоке вы еще с ним пели. Ты что, совсем ничего не помнишь?..

* * *

Лиза сидела в кресле и медленно накручивала на указательный палец одну прядку волос за другой. Одно из двух, либо Катька врет – но зачем ей врать – либо у нее реально едет крыша.

Ну, или она до такой степени напилась, что не помнит красивого богатого мужика, с которым, оказывается, еще и целовалась. Но если этот мужик на самом деле был, и она с ним еще и уехала, то куда он потом исчез и откуда взялся альбинос?..

Не вечер, а просто конкурс загадок. Уж насколько Лиза с ее математическим складом ума любила раскладывать все по полочкам и решать любую проблему при помощи логики, но эти события никак не хотели раскладываться и выстраиваться в хоть сколько-нибудь понятную картину. Скорее наоборот, разговор с подругой запутал все еще больше. Теперь вообще абсолютно ничего непонятно.

Ладно, фиг с этим загадочным вторым мужиком, вернемся к альбиносу. Чего он все-таки от нее хотел?..

Самое простое и очевидное – хотел секса. Но почему тогда не домогался, и вообще, так странно себя вел?

Или, может, он маньяк-извращенец? Специально напоил ее до полусмерти, чтобы привезти домой и грязно надругаться... Но в итоге вместо этого уложил спать, выстирал одежду и мирно отпустил восвояси? Нет, никак не вяжется. В этом нет абсолютно никакой логики.

Лиза вздохнула. Круг замкнулся, мысль зашла в тупик. И по-прежнему оставался открытым самый главный вопрос – где, черт побери, он мог ее видеть?..

* * *

Через неделю в городе начался обильный снегопад. Снег валил на головы без устали огромными белыми хлопьями, жаль, не столько красивыми и пушистым, сколько липкими и

мокрыми. Из-за них видимость на улице ограничивалась расстоянием вытянутой руки, а движение на дорогах застыло. Лиза медленно брела из магазина на десятисантиметровых каблуках и старательно балансировала левой рукой, а в правой держала огромный пакет с продуктами. Ну, не любила она обувь на плоской подошве и не хотела носить ее даже ради практичности и удобства.

Она уже подошла к подъезду, предвкушая, как сейчас зайдет домой, отряхнется, снимет с себя десять слоев зимней одежды и расслабится в горячей ванне с бокалом своего любимого красного вина, когда в сумке настойчиво завибрировал телефон.

Лиза чертыхнулась и, перехватив пакет в левую руку (вино недовольно стукнулось о банку с оливковым маслом), правой нащупала телефон и поднесла его к уху.

– Лизок, привет, – в трубке раздался радостный голос Кристины – известной клубной львицы и организатора всех самых «кошерных» вечеринок города. – Сегодня в «Горьком» намечается интересная тусовочка, ты как?

– Контингент?.. – уточнила Лиза, чувствуя, как пульс привычно учащается, а кровь начинает быстрее бежать по жилам.

– Обижаешь, – Кристина весело расхохоталась. – Публика приличная, как всегда, никого левого, только проверенные люди. Да и деньги неплохие.

Лиза остановилась и на секунду прикрыла глаза, прислушиваясь к внутренним ощущениям. Пойти однозначно хотелось. Она ужасно соскучилась по танцу, по тому состоянию, которое всегда накрывало ее на шесте; по вожделирующим мужским взглядам, которые она неизбежно на себе ловила. Пожалуй, ни один из них, даже самый обеспеченный, до сих пор не смог дать ей того, что давал пилон – ощущение себя настоящей.

Но сегодня к этим чувствам впервые примешивалось еще какое-то, холодное и липкое, которое предательски нашептывало: «а может, не надо?..»

Лиза тряхнула головой и решительно сказала:

– Я приду.

– Отлично, зайчик! – радостно проворковала Кристина. – Начало в десять, как обычно. Будь в форме.

Дома Лиза открыла вино и налила себе пол бокала. Обычно она не пила алкоголь перед выступлениями, но сегодня почему-то хотелось. Девушка не торопясь приняла горячую ванну и растерла себя большим пушистым полотенцем. К каждому своему выступлению она готовилась тщательно и с удовольствием, для нее это было своеобразным и очень важным ритуалом.

Она всегда испытывала неподдельное удовольствие, глядя на себя в зеркало. Природа щедро одарила ее всем, о чем мечтает каждая женщина, и Лиза искренне считала, что грех этим не пользоваться.

Она была натуральной блондинкой с прекрасным, чуть смуглым тоном лица и ровными белыми зубами, которым не могли повредить даже полпачки сигарет, выкуриваемые в день. Лиза просто обожала свою грудь третьего размера и идеальной формы, которая так соблазнительно выглядывала из любого декольте, а если ее чуть приподнять правильным бюстгалтером, то у мужчин просто сносило крышу. А уж что она творила с ними без бюстгалтера...

Лиза усмехнулась и старательно подвела тушью длинные темные ресницы (еще один подарок природы), отчего ее карие глаза сделались еще ярче и выразительней. Концы длинных, до середины спины, золотистых волос она слегка подкрутила плойкой, а довершила образ недавно купленная ярко-красная помада. Все-таки, классика никогда не выйдет из моды – удовлетворенно подумала Лиза и, побрызгав шею и зону декольте любимыми духами, послала воздушный поцелуй в зеркало, пожелав сама себе хорошего вечера.

* * *

В «Горьком» сегодня было на удивление многолюдно, что, вообще-то, редкость для такого рода вечеринок. Почти все столики были заняты, официанты суетливо сновали туда-сюда по залу, разнося дорогушее шампанское и кальяны. Публика была уже «на взводе» и страстно желала зрелищ. Уже переодевшись для выступления, Лиза стояла сбоку от сцены, в самом дальнем неосвещенном углу, и пристально всматривалась в людей за столиками. Большинство из них она знала, некоторые были постоянными клиентами, единиц видела впервые. Все как всегда, ничего необычного. И все-таки, что-то ее незримо напрягало.

Лиза поймала за руку пробегающую мимо Кристину:

– Привет. Иди сюда.

– О, Лизочек! – удивилась та. – А я тебя ищу. Ты что тут прячешься? Сейчас твой выход.

– Слушай, а что у нас за ажиотаж такой сегодня? – спросила Лиза.

– В каком смысле? – идеально поведенные брови Кристины удивленно взлетели вверх.

– Да народу как-то многовато... – пробормотала Лиза, продолжая напряженно оглядывать зал.

– Детка, ты не заболела? – Крис обеспокоенно положила ладонь ей на лоб. – Много народу это же хорошо, радуйся! Кого ты там высматриваешь?

– Да нет, никого. – Лиза покачала головой. – Все хорошо.

– Ну, вот и отлично. Выглядишь на все сто. Расслабься и танцуй! – Кристина легонько шлепнула ее чуть ниже талии и убежала.

Действительно, что это со мной, подумала Лиза и, тряхнув волосами, решительно шагнула на сцену.

Она обхватила пилон, легко подняла свое тело над полом и почувствовала, как все сомнения и страхи смывает обжигающе жаркой волной. Музыка зазвучала громче, она лилась внутри нее непрерывным потоком, затекала под кожу и сливалась с сердцебиением. Она сама ощущала себя музыкой, которая возвращает к жизни, дарит силу и пробуждает в каждом то, чего ему не хватает. Лиза чувствовала, как какой-то дикий огонь все ярче разгорается в ней с каждым новым движением. И вот она уже не может его контролировать, пламя выходит за пределы ее тела, сейчас она способна осветить им весь зал – и зал замер в восхищении, желая загореться вместе с ней...

Это даже не секс, несмотря на то, что все мужчины сейчас хотят с ней именно этого. Это намного круче, это – счастье. Я счастлива – осознала Лиза, затуманенным взглядом окидывая зал из положения «вниз головой», одновременно обвивая ногами пилон, а рукой медленно снимая бюстгальтер...

Зал охнул в предвкушении, а потом зашелся в диком восторге. Лиза чувствовала абсолютное единство с каждым из них, они неслись в едином потоке, и все, что ощущала – она передавала им, ей было не жалко. Вот ради чего она раз за разом выходит на эту сцену – чтобы видеть их глаза: восторженные; страстные; оживающие; помолодевшие; счастливые...

Хладнокровные белесые, внимательно изучающие каждый сантиметр ее тела. Натолкнувшись на этот взгляд, Лиза чуть было не свалилась с шеста и почувствовала, как ей резко перестало хватать воздуха. Не может быть. Это невозможно!

На секунду она закрыла глаза, зависнув в воздухе в странной позе с зажатым в руке бюстгальтером. Это было словно ушат ледяной воды на голову, холодный и расчетливый удар под дых в тот момент, когда меньше всего этого ожидаешь. Невесть откуда в ту самую секунду на Лизу свалилось четкое понимание: он знал, что она его увидит. Знал и специально этого ждал. Для этого и пришел.

Ей вдруг невыносимо захотелось снова чем-то прикрыть грудь. А еще лучше, полностью одеться и бежать отсюда, куда глаза глядят. Лишь чувство ответственности перед зрителями и опыт, наработанный за годы тренировок, заставили Лизу взять себя в руки и продолжить выступление. Стараясь смотреть прямо перед собой и ни в коем случае не в зал, она чисто механически отработала танец до конца, обреченно понимая, что это полный и абсолютный провал. В нем уже не было огня, не было внутреннего порыва – только скучные, бездушные, пусть и безупречно отточенные движения. Она больше не летала на пилоне, ее грубо швырнули вниз об землю – и зал разочарованно рухнул вместе с ней. Разумеется, они не поняли, что конкретно произошло – но почувствовали, что их обманули, вместо настоящего, живого, зажигающего танца – подсунили пустышку в красивой обертке. И это было обидно.

Кое-как закончив выступление и получив порцию слегка растерянных и незаслуженных, по ее мнению, аплодисментов, Лиза осмелилась вновь осторожно, исподлобья поднять глаза в зал.

На этот раз она не увидела альбиноса, в той стороне, где он ей померещился, теперь стоял пустой столик. Но это было неважно – она все равно знала, что он где-то там, сидит и смотрит на неё, девушка почти физически ощущала этот холодный оценивающий взгляд. Если бы сейчас у нее была возможность телепортироваться отсюда в любую случайную точку мира, она бы без малейшего сомнения ей воспользовалась.

Аплодисменты стихли, и Лиза с облегчением соскользнула со сцены с бешеным желанием поскорее раствориться и исчезнуть, оказаться у себя дома в безопасности и комфорте. Словно в насмешку, Лиза поймала себя на мысли: с каких это пор на шесте ей стало небезопасно?..

На пути в раздевалку ее перехватила Крис и недоуменно спросила:

– Что это было?

– Ты о чем? – Лиза прикинулась непонимающей.

– Да танец твой, что это было?! Ты так классно начала, а потом тебя как будто выключили в середине. Что случилось?

– Да ничего. – Лиза сделала максимально непринужденное лицо и для убедительности соврала: – Просто неважно себя чувствую. Все нормально.

– Котенок, что-то ты мне сегодня не нравишься. – В больших выразительных глазах Кристины читалось неподдельное беспокойство. – Давай так, ты отдохнешь пару неделек, а потом с новыми силами в бой, да? Тебя девочки заменят, а ты пока просто приходи посмотреть, коктейли и шампанское за счет заведения. Договорились?

– Нет-нет, – Лиза мертвой хваткой вцепилась в ее руку, содрогнувшись при одной мысли о том, что может лишиться пилона. – Не надо, я буду танцевать! Слышишь, зови меня! В следующий раз все будет в порядке, обещаю!

– Ну, хорошо. – Кристина посмотрела на нее со скрытым сочувствием и ободряюще похлопала по плечу. – Давай, малышка, отдыхай.

Она ушла, а Лиза зашла в раздевалку и, тяжело дыша, уставилась на себя в зеркало. Что с ней такое творится? Ведь танец всегда был для нее главным смыслом жизни, светом в конце тоннеля, единственной и самой большой любовью. И вот, появляется какой-то хмырь с белыми прожекторами вместо глаз и ставит это все под угрозу? Да какого черта? Кто позволил ему это делать?!

Неожиданно для себя Лиза жутко разозлилась. Вообще, почему она должна его бояться?! Кто он такой? Ну, нравится ему пялиться, как она танцует – пусть приходит и пялится, какое ей дело? А если он попытается портить ей выступления или вставлять палки в колеса, она собственными руками вцепится ему в гланды, и не посмотрит, что он этот, как его... вымирающий вид.

От этой мысли Лиза весело хохотнула. Теперь из зеркала на нее смотрела уже не загнанная в угол испуганная девчонка, а уверенная в себе сексуальная тигрица, готовая яростно защи-

щать свою территорию и, если нужно, без сожаления загрызть обидчика. Так-то лучше, сказала себе девушка. Не на ту напал! Раз она никогда в жизни никого не боялась, то в двадцать шесть лет нечего начинать.

Придя к этому выводу, девушка тут же полностью успокоилась и вновь ощутила твердую почву под ногами. Ей не нужно прятаться и куда-то убежать, она здесь у себя дома, это ее территория, где ее знает каждая собака. Сейчас она переоденется и пойдет пить шампанское со своими подругами по пилону, и пошло оно все к черту.

Словно в подтверждение этого, заиграла ее любимая песня. Радостно подпевая и пританцовывая в такт музыки, Лиза уверенно вышла в зал и вызывающим взглядом окинула столики. Никакого альбиноса не было и в помине, зато на сцене ее подруга Мила самозабвенно отдавалась танцу под горячий зарубежный хит. Надо же, а Милка-то выросла, с некоторой долей ревности подумала Лиза. Она здесь совсем недавно, еще полгода назад боялась пилона и стеснялась снять лифчик, а теперь вон как зажигает, мужики из штанов выпрыгивают... В каком-то смысле Лизе это льстило, ведь она сама в свое время натаскивала ее и учила двигаться под музыку. Молодец девчонка, если будет продолжать в том же духе, то есть неплохие перспективы...

Музыка стихла, и зал взорвался аплодисментами. Лиза благосклонно к ним присоединилась и собралась было подойти к разгоряченной Миле, чтобы похвалить, а потом отправиться вместе пить шампанское, но в этот момент тяжелая прохладная ладонь легла ей на плечо. Она была почти готова к этому, но все-таки слегка вздрогнула, услышав знакомый голос:

– Лиза, привет. Пошли, поболтаем.

* * *

Они сели за самый дальний столик в углу. Лиза не хотела, чтобы кто-то видел ее с ним, но по закону подлости к ним тут же подошла официантка Маша и с ослепительной улыбкой спросила, что они будут пить. Отлично, подумала Лиза, завтра весь «Горький» будет думать, что я сплю с альбиносом.

Она исподтишка взглянула на него и в который раз поразились, как его сюда пустили. Он выглядел... не то, чтобы плохо или неопрятно, но как-то совсем по-простому: обычный, явно купленный на распродаже свитер в полоску, поношенные джинсы, на руке совсем простые часы на ремне из козжама. Лиза столько раз сидела здесь с действительно богатыми мужчинами, что давно уже научилась на глаз определять стоимость их бижутерии, эти – ну, максимум, две тысячи рублей. Так каким образом он затесался на эту закрытую тусовку?

– Что будете пить? – повторила Маша, с восторженной улыбкой переводя взгляд с Лизы на ее спутника. В отличие от Лизы, она словно не замечала простоты его имиджа и почему-то принимала его за кого-то из своих.

– Черный чай и кальян, – небрежно обронил альбинос и вопросительно посмотрел на Лизу. Она на секунду задумалась, пытаясь прикинуть размер его доходов, а потом решила: почему, собственно, ее должно это волновать?.. И попросила:

– А мне бутылку «Дон Периньона». – При этих словах она с интересом взглянула на альбиноса, однако он и глазом не повел, как будто выложить пять тысяч за бутылку вина для него – обычное дело. Надо было попросить еще закуски, злорадно подумала Лиза.

Маша соблазнительно крутанулась на каблуках и радостно унеслась за заказом. За столом воцарилось молчание. Лиза с вызовом смотрела на собеседника, но тот не спешил начинать разговор, внимательно изучая ее глазами и словно о чем-то раздумывая. Девушка не собиралась ему помогать, поскольку была на сто процентов уверена, что, что бы он ни сказал, ей это не понравится.

– Ты классно танцуешь, – наконец констатировал он, не сводя с нее задумчивого взгляда. Лиза не удостоила ответом эту банальную истину и продолжала выжидающе молчать.

Пока альбинос обдумывал следующую фразу, к ним вернулась Маша с напитками и кальяном. Она поставила перед Лизой высокий бокал и налила ей шампанского, успевая при этом активно строить глазки ее собеседнику.

«Да что она в нем нашла?» – с удивлением подумала Лиза и залпом отхлебнула холодного «Дон Периньона». Неожиданно она вспомнила, как Катька неделю назад тоже описывала ей вместо альбиноса какого-то сказочного красавца. Девушка смерила сидящего напротив мужчину подозрительным взглядом. Кого они все в нем видят и как ему это удастся?!

Собеседник, между тем, не спеша налил себе чаю и со вкусом затянулся кальяном. Кажется, он никуда не торопится и вполне может сидеть вот так и час, и два, разглядывая Лизу сквозь клубы ароматного дыма. Со стороны это наверняка походило на романтическое свидание, однако перспектива провести всю ночь за столиком с этим странным и неприятным ей человеком девушку не привлекала, а терпение никогда не было ее сильным качеством. Поэтому она решила прервать затянувшуюся паузу и спросила прямо в лоб:

– Что вы от меня хотите?

Альбинос сделал большой глоток чаю и неожиданно произнес одно-единственное слово:

– Танец.

– Что танец? – не поняла Лиза, подумав, что ослышалось.

– Мне. Нужен. Твой. Танец, – медленно, почти по слогам повторил он, глядя ей в глаза.

Пока Лиза сидела, ошарашенная этим заявлением и пытаясь переварить услышанное, альбинос откинулся на спинку дивана и снова сосредоточился на кальяне, не сводя с девушки цепкого внимательного взгляда. Между тем, в голове у Лизы пронеслись сотни разных мыслей о том, что может означать эта фраза, но, увы, среди них не было ни одной приличной.

– Я не даю приватных танцев, – отрезала она и решительно поднялась с места. – Сожалею, но вы обратились не по адресу.

– А кто говорил про приват? – невозмутимо парировал собеседник.

Лиза удивленно опустила обратно.

– Послушай, – альбинос неожиданно отодвинул в сторону кальян и наклонился к ней через стол, так что Лиза почувствовала исходящий от него запах табака и на удивление неплохого парфюма. – Сколько тебе здесь платят? Ты ведь можешь получать в десятки, а то и в сотни раз больше. С твоим талантом ты можешь выступать в лучших клубах страны, а ты зачем-то сидишь в этой дыре, – он выразительно оглядел зал своими белесыми глазами, которые сейчас, при вечернем освещении, казались еще более нечеловеческими.

– Это не дыра! – почему-то обиделась Лиза.

– Да нет, дыра, детка, и еще какая дыра, – альбинос усмехнулся и сделал еще один глоток чаю. – Я предлагаю тебе абсолютно другую жизнь и другой уровень. Тот, на котором ты сможешь по-настоящему реализовать свой Дар.

– Мой – что?.. – переспросила девушка.

– Дар – это то, что дано свыше, – пояснил он, словно ребенку, и в очередной раз затянулся кальяном. – Он должен быть реализован, если ты, конечно, не хочешь всю жизнь прожить вхолостую.

У Лизы закружилась голова, и она залпом опустошила бокал шампанского. Альбинос галантно налил ей еще, продолжая пристально сверлить ее взглядом.

– Так что нужно делать? – спросила Лиза, осушив второй бокал.

– Ничего особенного, – он пожал плечами и выпустил причудливой формы кольцо дыма Лизе в лицо. – Поехать в Москву и станцевать там для одного человека.

– Куда поехать?! – Лиза вытаращила глаза и чуть было не поперхнулась дымом вперемешку с шампанским.

– В Москву, – терпеливо повторил альбинос. – Это там, где Ленин, Мавзолей, Кремль...

– Я знаю, где Москва, – перебила Лиза. – Какого черта мне там делать?

– Ну, я же объясняю, – альбинос устало вздохнул. – Выйти на новый уровень, реализовать свой потенциал. Помочь хорошим людям в одном важном деле, между прочим, судьбоносном для страны. Ну, и бонусом заработать хорошие деньги, разве плохо?

Какое-то время Лиза молчала, обдумывая это необычное предложение. Потом решительно покачала головой:

– Я не смогу. У меня работа, выступления.

– Возьми отпуск, – он пожал плечами и снова со вкусом затянулся. – А про выступления я тебе уже все сказал. Если не попробуешь – так и не узнаешь, на что ты на самом деле способна. Так и будешь выступать тайком во второсортных провинциальных клубах да напиваться в забегаловках до поросычьего визга. А все от нереализованности.

С этими словами он допил чай одним последним глотком и поднялся с дивана, бросив напоследок:

– В общем, решайся. Я буду ждать твоего ответа. Как надумаешь, звони.

На стол перед Лизой легла самая настоящая визитка с неразборчивыми в темноте цифрами и номером телефона.

Девушка ошеломленно переводила взгляд с визитки на альбиноса и снова на визитку. Все произошедшее и сказанное только что настолько не укладывалось в ее сознании, что на какое-то время она просто потеряла дар речи.

– Да, кстати, меня зовут Давид, – добавил он, уже повернувшись уходить, но в последний момент оглянувшись. – А то все альбинос, альбинос...

Часть 2. Максим

Сирена отчаянно выла на крыше, напрочь перекрывая шум ночного проспекта. Он гнал по встречной полосе, виртуозно объезжая пробки, игнорируя светофоры и «зебры», мигалкой прокладывая себе кратчайший путь. Встречные и попутные машины послушно расступались, прижимались вправо, прятались друг за дружку, пропуская его с молчаливым почтением. Ведь все знают: если «Скорая» несется, не разбирая дороги – значит, к кому-то пришла беда.

– Быстрее, умоляю вас, быстрее! – рыдала в голос женщина в кабине. – Он задыхается, вы что, не видите?! Сделайте хоть что-нибудь, он сейчас умрет!

Последние слова были обращены к санитарам, Сане и Вадику, которые уже двадцать минут пытались реанимировать нанюхавшегося клея подростка. Парень был совсем синюшный и еле-еле дышал, видимо, уже начался отек легких. Женщина, очевидно, мать, билась в истерике, а Саня, сбросив куртку и закатав рукава халата, принялся за искусственное дыхание.

Макс посмотрел в салон через зеркало заднего вида и со вздохом перевел взгляд на дорогу. Вот уже восемь лет он работал водителем на «Скорой помощи», но до сих пор не мог к этому привыкнуть. Каждый новый умирающий пациент или убитый горем родственник воспринимался им, как собственное личное поражение, несмотря на то, что его задачей было всего лишь доставить их в кратчайшие сроки из пункта А в пункт Б. Не вылечить, не воскресить, не исцелить душевные раны – просто довести. Но иногда и этого хватало за глаза. Впрочем, иногда не хватало – и тогда он ощущал их боль, как свою.

Он вообще с детства очень остро чувствовал чужие эмоции. Иногда даже перенимал их, и тогда они заполняли все его внутреннее пространство, и он уже не мог отличить, где свое, а где – чужое. Коллеги за глаза называли Макса эмпатом и посмеивались над ним за это, хоть и любили, считая его излишне ранимым и чувствительным. Он знал об этом, но не понимал, как может быть по-другому. Броня, которая давно должна была вырасти и стать второй кожей, к восьмому году работы на Макса все никак не налезала.

Рыдания женщины сзади сделались еще громче и безутешней. Макс тряхнул головой и попытался сосредоточиться на дороге. Вдруг ни с того ни с сего его охватило жуткое, всеобъемлющее отчаяние – такое, что захотелось завывать вместе с сиреной. К нему примешивались тоска и дикое чувство вины. Хотелось в буквальном смысле выйти из машины на полном ходу и броситься под колеса. Макс представил это настолько живо, что содрогнулся, и тут же понял – это не его чувства. Он ощущает боль матери, которая вот-вот лишится сына. И выскочить на проезжую часть – тоже ее желание. Макс снова взглянул в зеркало, хотя и без того знал, что там происходит.

Парень уходил, очень быстро и неумолимо. Не помогала ни легочная реанимация, ни непрямой массаж сердца. Он таял на глазах, цвет лица был уже совсем синий, а дыхание напоминало слабую нить, готовую вот-вот прерваться. Санитары выбились из сил и почти сдались, Макс остро ощущал исходящую от них безнадегу, сопровождающуюся тихой злостью (Саня) и бешеным желанием закурить (Вадик).

Ну, как же так, подумал Макс и изо всех сил вдавил газ в пол. Совсем немного оставалось до больницы, всего каких-то два километра, и дороги уже были почти пустые, но он отчетливо понимал – не довезут.

Вдруг к всеобщей тоске и отчаянию примешалось еще какое-то незнакомое ранее чувство. Макс сначала не поверил ему и еще раз посмотрел в зеркало. Парень лежал в той же позе, и на первый взгляд ничего не изменилось. Только почему-то запахло полыньей и ромашками.

Не может быть, откуда здесь взялась ромашкам, да еще и в феврале? Макс помотал головой, решив, что у него к концу смены едет крыша. Однако запах ромашек не только не исчез,

но еще и дополнился свежескошенной травой и сеном. Где-то неподалеку зажурчала речушка и зазвучала звонким голосом какая-то девчачья песенка.

Это лето в деревне, понял Макс. Видимо, прошлое паренька. Но почему он это ощущает?!

Сам до конца не осознавая, что делает, Макс отодвинул невидимую границу, разделяющую их с парнем, и еще глубже провалился в его ощущения.

Щеку сразу обожгло теплом. Очевидно, это был июль или конец июня, сезон покоса был в самом разгаре. Он сидел на свежескатанном стоге сена, слушал деревенскую песню и ощущал абсолютное, ничем не омраченное счастье.

Песня стала громче, видимо, девчонка подошла чуть ближе. Макс не видел ее, только чувствовал. Он ощутил внутри приятный трепет и понял, что парень был в нее влюблен. Запах сладко дурманит голову, на которую девушка со смехом надевает венок из ромашек. Первая подростковая любовь, такая чистая и нежная...

Бамс. Песенка оборвалась на середине, исчезли ромашки, трава, стоги сена и солнце на щеке. Мир схлопнулся до размеров маленькой комнатенки, в которую из-за закрытой двери пробивались истеричные крики матери:

– Мне еще проблем из-за тебя не хватало! Все, забудь, больше туда не поедешь! Не дорос еще по сеновалам прыгать...

... И мир сделался однотонным и пустым, как будто из него разом выкачали весь воздух. Стало резко нечем дышать, и в нос ударил тошнотворный запах клея. Макс сам не заметил, как окончательно отделился от своего тела и оказался внутри паренька. Там было темно и тихо, но все еще теплилась жизнь. К удивлению Макса, парень был в сознании и отлично понимал происходящее. Ему было страшно, он не хотел умирать, но при этом почему-то не возвращался.

– Что ты делаешь? – спросил его Макс. – Пойдем назад.

– Я не пойду, – отчетливо ответил тот. – Не хочу так жить! Ей меня не заставить.

О, Боже, подумал Макс. Только этого не хватало. Разрушенная любовь и подростковый протест, доводящий до суицида. И что теперь с этим делать? А главное, куда, черт возьми, смотрела мамаша?..

– Дурак ты, парень, – в сердцах сказал Макс, не найдя других аргументов. – Что творишь-то? Думаешь, этим что-то докажешь?

– Докажу, – огрызнулся он. – Теперь она проиграет.

– Проиграет? – Макс усмехнулся. – А ты выиграешь? Да посмотри на нее. Она уже все поняла. Не дури, давай, пошли обратно.

– Не пойду... – из вредности повторил парень, но уже менее уверенно. Макс вдруг почувствовал, что он боится. Боится и не хочет умирать. А время при этом безжалостно отсчитывает секунды.

– Слушай, – Макс внезапно разозлился. – У тебя есть полминуты, чтобы вернуться обратно. Потом – все, никто не сможет тебе помочь, и ничего уже будет не исправить. Так что решай. Или идешь со мной сейчас, или остаешься здесь навсегда. Так ты точно хочешь сегодня умереть?..

... Макс вздрогнул всем телом и открыл глаза. Они стояли около больницы, но когда и как он до нее доехал, Макс не помнил. Сирена уже была выключена, Саня сосредоточенно связывался с кем-то по рации, санитары открывали двери и затаскивали носилки.

В салоне стоял протяжный удушливый кашель – недавно умирающий парень с остервенением пытался выплюнуть из легких остатки клея. Зрелище было еще то, но все равно лучше, чем десять минут назад, когда он валялся синюшный и бездыханный. Мать по-прежнему рыдала в голос и держала его за руки, но теперь это были слезы облегчения. Самое страшное миновало. Парень выжил.

* * *

Через пять минут они с Вадиком стояли около машины. Вадик жадно курил и тихонько матерился, Макс задумчиво ковырял носком землю.

– Вот зараза, ведь непонятно, как вообще откачали, еще полминуты, и сдох бы, падла... – бормотал Вадик, с остервенением втягивая в себя сигарету. – Ненавижу этих подростков психованных, через одного все какие-то суицидники, мы такими не были...

Макс молчал. Он вообще не любил много болтать и был довольно косноязычен, за что тоже нередко становился объектом добродушных насмешек. Поэтому в основном предпочитал слушать и воспринимать эмоциональное состояние собеседника. Сейчас Вадик был до крайности возбужден и в то же время горд собой – он явно считал недавнюю успешную реанимацию своей заслугой. Неожиданно Макс почувствовал резкую головную боль. У него самого голова практически никогда не болела, поэтому он настороженно взглянул на коллегу.

Вадик выбросил бычок в урну, поморщился, но тут же закурил новую сигарету. За последние пять минут это была уже третья подряд. Безостановочное курение плюс постоянный стресс – бедные сосуды, неудивительно, что болит голова.

– Ты б поменьше курил, что ли... – ненавязчиво посоветовал Макс.

Вадик взглянул на него сверху вниз, щурясь от дыма, сделал демонстративную затяжку и снисходительно ответил:

– Тебе бы работу, как у меня, шкет, ты бы и дня без сигарет бы не протянул, глядишь, еще и бухать бы начал.

Макс только пожал плечами. Спорить и что-либо доказывать он тоже не любил. В конце концов, это действительно не его дело, и что он ко всем лезет? Пусть живут, как хотят. А ему пора домой, у него закончилась смена. Сейчас он отойдет от Вадика на пятнадцать шагов, перестанет его чувствовать, и путь сам мучается со своими сосудами и головной болью...

Подумав таким образом, Макс уже собрался было попрощаться и идти в сторону трамвайной остановки, но... Вадик снова болезненно сморщился, и Макс не удержался.

Он снова настроился на его ощущения, стер разделяющую их невидимую грань и мягко проник в его пространство. Там было душно и накурено, как в тамбуре, но Макса интересовало не это. Где-то внутри вздувшейся синей веной пульсировало какое-то неприятное чувство. Макс придвинулся еще чуть ближе, чтобы рассмотреть его получше – и обомлел. Оказалось, что это страх. Острый, тягучий и липкий, как жвачка. Страх чужой смерти, так хорошо знакомый каждому начинающему врачу, но говорят, что у матерых он атрофируется – а у Вадика, надо же, остался. Живой, пульсирующий, тщательно скрываемый, закуриваемый десятками пачек сигарет и заглушаемый отборным матом. Страх не успеть, не помочь, не спасти, приправленный грузом непосильной ответственности, когда кажется, что от тебя зависит больше, чем ты в силах сделать...

Макс вздохнул, взялся за кончик пульсирующей жилки и осторожно потянул на себя. Она легко поддалась, вытянулась в струну и растеклась горячей вязкой массой. Макс чуть остудил ее и равномерно распределил в пространстве, чтобы даже не думала в ближайшее время опять скрутиться в оголенный нерв. Так-то лучше, совсем эта штука, конечно, не исчезнет, но теперь она хотя бы будет не так агрессивна. По крайней мере, какое-то время.

Макс взглянул на Вадика и, словно в подтверждение своих мыслей, прочитал в его глазах заметное облегчение. Боль, пульсирующая в висках, отпустила, и тот сразу почувствовал себя лучше, даже начал улыбаться. Сейчас он выбросит бычок и поймет, что наконец-то накурился, а потом почувствует прилив необъяснимой симпатии к Максиму... Впрочем, этого момента ждать не обязательно, можно топать домой.

– Эй, шкет, – Вадик отточенным до автоматизма метким движением запустил недокуренную сигарету в урну и дружески хлопнул Макса по плечу. – Ты это, не обижайся. Мало ли, что я в сердцах ляпну. Ты же знаешь, я люблю с тобой дежурить. Ты вроде и чудной, а поговоришь с тобой, и легче становится.

– Знаю, – Макс удовлетворенно усмехнулся и протянул в ответ руку. – Бывай...

* * *

Трамвай подошел почти сразу и оказался полупустым. Макс сел к окну и включил было музыку в плеере, но передумал. После всех событий сегодняшнего дня ему хотелось тишины.

Он устроился работать на «Скорую» сразу после армии. Не то чтобы специально, просто так получилось. Как раз тогда его бросила единственная девушка, которую Макс когда-либо любил, и он переживал ее уход очень тяжело. В разгар душевных терзаний на глаза попало объявление о том, что в городскую клиническую больницу требуются водители. Макс долго не раздумывал – он хотел любыми способами отвлечься от своей боли, и ему это удалось. Теперь боли был много, но в основном она исходила от других людей. Сначала Макс просто чувствовал ее, со временем начал видеть образами, а потом научился облегчать. Точнее, он называл это – выравнивать.

Если бы кто-то спросил его, как он это делает, он бы вряд ли смог ответить. Он не считал это сверхспособностью, скорее – особенностью, присущей ему с детства. Люди чувствовали ее, но не могли до конца разгадать, поэтому посмеивались и старались придумать этому какие-то названия. Макс никогда не возражал. Эмпат? Хорошо, пусть будет эмпат.

Он был начисто лишен тщеславия, а работа на «Скорой» научила его, что любой успех – это не чья-то личная заслуга, а результат слаженной командной работы. Как сегодня – Вадик и Саня безупречно сделали свою техническую часть, он сделал свою.

Вспомнив сегодняшнего подростка, Макс поежился. Все-таки, так далеко он еще никогда не заходил. Все, что он мог раньше – облегчить состояние, выровнять эмоциональный фон, поднять настроение, снять головную боль, как сегодня с Вадиком. Но уговорить вернуться с того света?! О таком раньше он даже не помышлял, да и понятия не имел, как это делается. А тут взял и сделал, как будто всегда умел.

Как это получилось? Может, просто случайность?..

Задумавшись, Макс чуть было не проехал свою остановку. На улице окончательно стемнело, и повалил холодный мерзкий полудождь, полуснег. Макс зябко поежился и натянул воротник повыше. Он не любил холод и слякоть, а вместе с ними и это время года. Хотелось как можно скорей попасть в тепло, и он ускорил шаг.

– Эй, парень, закурить не будет?.. – услышал он за спиной чуть хриловатый голос.

Обернувшись, Макс увидел приземистого невзрачного человека, стоящего возле фонарного столба. Он был настолько неприметным, что увидишь один раз – и больше не вспомнишь. Макс прошел прямо мимо него и даже не заметил, и вряд ли бы вообще обратил на него внимание, если бы не вопрос про сигареты. Да, кстати, он же ждет ответа...

– Не курю, – коротко бросил Макс и собрался продолжить свой путь.

– Ну, и правильно, – одобрительно сказал человек под фонарем. – Здоровей будешь, я тоже не курю.

Макс недоуменно обернулся. Человек под фонарем стоял, не двигаясь с места, и с интересом смотрел на него из темноты, как будто ожидая реакции.

«Псих, что ли?» – с удивлением подумал Макс и по привычке попытался его просканировать, чтобы выявить искажения и по возможности их сгладить... только ничего не получилось. Вместо того, чтобы привычно стереть границу и проникнуть в чужой внутренний мир, он просто провалился в тягучую белую пустоту. Пустота оказалась всеобъемлющей и какой-

то ватной, засасывающей. Макс увяз в ней, как в болоте, и какое-то время просто барахтался, безуспешно пытаясь выдернуть себя обратно.

«Что за черт?» – пробормотал он про себя и закрыл глаза, как будто это на что-то влияло. Пустота никуда не исчезла, просто сделалась темной и оттого Макс еще больше не понравилась. Он инстинктивно сделал шаг назад, чтобы выйти из поля этого странного, пугающего человека. За годы, проведенные на «Скорой», Макс посмотрелся всякого: и психов, и наркоманов, и суицидников с искореженной напрочь энергетикой, но ЭТО было чем-то за гранью – и ему впервые не захотелось в этом разбираться.

– Отвали от меня, мужик, – бормотал он про себя, торопливо пятясь от него, как от прокаженного. – Ну тебя на фиг с твоей пустотой...

Ничего не изменилось. Мужик не двинулся с места, а пустота последовала за Максом, раскручиваясь, будто по спирали. Не отпуская его из себя, не давая освободиться, делая маленьким и беспомощно бултыхающимся в вязкой белой вате...

Макс закричал, что было сил дернулся, словно пытаясь вырваться из невидимых уз, и камнем рухнул на землю.

Удар пришелся на плечо, и острая боль заставила его очнуться. Зато наваждение наконец-то опустило, и Макс смог вернуться в реальный мир, где не было никаких закручивающихся белых спиралей. Вздыхнув с облегчением, он поднял голову, надеясь, что странный мужик исчезнет вместе со своей пустотой – однако он был на месте. Все так же стоял, опираясь на столб, и смотрел на Макса с добродушным интересом.

– Сильно ударился? – сочувственно спросил он и добавил, словно в насмешку. – Может, помочь?

С этими словами, незнакомец шагнул к лежащему на земле Макс и протянул руку. Тот, естественно, шархнулся в сторону и молниеносно вскочил на ноги.

– Ну, что же ты, Макс, – вздохнул незнакомец. – Разве тебя не учили, что не стоит вступать в близкие контакты с совершенно посторонними людьми? Тем более, если не знаешь, С ЧЕМ тебе придется столкнуться...

Он сделал еще шаг навстречу, и Макс в панике выставил впереди себя руку, словно пытаясь прочертить невидимую границу, которую раньше всегда успешно сносил... Как ни странно, но это сработало. Незнакомец остановился в метре от него и удовлетворенно кивнул головой.

– Силен, вижу, молодец. Да ты не бойся, я ведь не со зла.

– Что вам надо? – спросил Макс, успев удивиться, насколько глухо в пустой подворотне прозвучал его голос. – И откуда вы узнали мое имя?

– А чего его узнавать, – мужчина беспечно пожал плечами и сложил руки на груди. – Ты особо не скрываешься, работаешь на «Скорой помощи». Проходил мимо больницы и слышал, как санитары к тебе обращались.

То ли по слишком непринужденной позе, то ли по нарочито небрежному тону Макс понял, что он врет. Однако у него не было ни малейшего желания выяснять правду – этот разговор и странный мужик нравились ему все меньше и меньше.

– Мне надо идти. – Коротко сказал Макс, потирая ушибленное плечо.

– Иди, – чуть подумав, кивнул мужчина, будто соглашаясь. – Только осторожно, береги себя. И не трать зря силы, они тебе еще очень понадобятся.

Макс посмотрел на него, как на ненормального, и, развернувшись, решительно зашагал прочь. Пройдя сто метров, он не выдержал и обернулся. Мужчина стоял все на том же месте и смотрел ему вслед, но, к счастью, не предпринимал никаких попыток преследования.

«Идти спокойно, не бежать и не смотреть назад» – приказал себе Макс, но в спину жгло, как огнем, и еще через двести метров он опять обернулся. Подворотня была пуста, и под фонарем больше никто не стоял.

Вот теперь Макс побежал со всех ног.

* * *

Дома его встретила темная прихожая и усталая задерганная мать, вернувшаяся со смены. – Ты чего такой взмыленный? – хмуро спросила она, мельком взглянув на запыхавшегося Макса, пытающегося одной рукой снять с ног ботинки. – Есть будешь? Я пельмени варю.

Макс пробормотал в ответ что-то невнятное и прошел мимо в свою комнату. Опустившись на незаправленный с утра диван (как всегда, опаздывал на работу) и вдохнув привычный, чуть душноватый запах дома, он, наконец, почувствовал, как выравнивается сбившееся дыхание, а все беспокойство и стресс сегодняшнего дня медленно, но верно покидают его тело.

Макс закрыл глаза и на несколько секунд позволил себе уйти от реальности, погрузившись в некое подобие медитации. Он делал так всякий раз, когда случалось что-то непонятное, то, чего он никак не мог объяснить. Иногда в медитации ему приходили ответы, но сегодня он не пытался их искать – хотелось просто отвлечься и какое-то время ни о чем не думать. И ему почти удалось, если б еще не эта назойливая боль в плече...

– Максим! Ты идешь ужинать? – мать стояла на пороге комнаты с поварешкой наперевес, из кухни пробивался аппетитный запах свежесваренных пельменей. – Опять ушел в себя? Вечно тебя не дозовешься...

Она укоризненно смотрела на него, и Макс прочел в ее глазах привычное разочарование. Когда-то он бы многое отдал, чтобы больше не видеть этот взгляд, но сейчас поймал себя на том, что не испытывает по этому поводу ровным счетом никаких эмоций. Хотя, нет – есть легкое сочувствие и желание утешить. Ну, кто же виноват, что она мечтала о другом сыне?

Макс рос странным, если не сказать откровенно чудаковатым мальчиком, про таких обычно говорят – не от мира сего. Учеба в школе была ему совершенно не интересна, он кое-как осилил девять классов, получил аттестат о неполном среднем образовании, где ему скорее из жалости вывели тройки по основным предметам, и, недолго думая, отправился работать автомехаником на одной из городских станций техобслуживания. Машины были его страстью, в семнадцать лет он успешно сдал на права, но купить свой автомобиль так и не успел, потому что в восемнадцать его забрали в армию. По возвращении он сразу устроился водителем на «Скорую помощь», и, учитывая, что сама мать работала практикующим успешным хирургом – в этот момент для нее произошло крушение всех надежд на то, что сын когда-нибудь пойдет по ее стопам.

В тот момент он превратился для нее в отрезанный ломоть, неудавшийся эксперимент, в который она вложила столько сил, но который почему-то не захотел окупиться и принести достойные дивиденды.

– Что это за профессия – водитель? – недоуменно звучали у него в голове на повторе мамины слова, сказанные как-то в сердцах. – Мы для этого с отцом тебя растили? Ты посмотри, ведь он – врач-реаниматолог, я – зав отделением хирургии в одной из лучших больниц Москвы, ты мог продолжить путь любого из нас, получить медицинское образование, сделать блестящую карьеру, у тебя для этого был отличный старт, о котором многие даже не мечтают... И что ты вместо этого выбрал? Быть простым водителем? Неужели это все, на что ты способен? Похоронить такие гены, чтобы крутить целыми днями баранку? Мы с папой не этого от тебя ждали, сынок...

Она сказала это всего один раз и больше никогда не повторяла, но Максиму было достаточно. Приходя домой, он каждый день видел ее глаза и понимал, что ничего не изменилось – в них он навсегда останется неудачником, не оправдавшим их с отцом надежды.

Впрочем, отец как раз-таки не жаловался и во всем поддерживал Макса – особенно после того, как в его пятнадцать лет ушел из семьи, и они с мамой развелись. Макс знал, что он до

сих пор испытывает за это чувство вины – но дальше так жить было нельзя, да и непонятно, как они с мамой вообще поженились – кроме Макса и любви к медицине, у них не было ровным счетом ничего общего. И если отец потом снова женился, на этот раз вполне счастливо – то мама после развода окончательно и бесповоротно поставила точку в отношениях с мужчинами и полностью посвятила себя работе. Надо сказать, что этот выбор принес свои плоды – она действительно построила неплохую карьеру и стала зав отделением, чем очень гордилась и считала своим главным достижением в жизни (чего нельзя было сказать о сыне). Но Макс все равно видел, что она не счастлива, и почему-то чувствовал свою вину. Не за то, что не стал врачом – скорее за развод родителей. Иногда он думал – а могло ли в их семье все сложиться по-другому?.. Но не находил ответа.

Пельмени слегка разварились, и Макс неуклюже ковырял их вилкой, зажатой в левой руке – правая все еще продолжала нещадно ныть, и он старался лишней раз ее не напрягать.

– Как на работе? – без особого интереса спросила мать, положив перед ним на стол початую пачку масла.

– Нормально... – рассеянно ответил Максим, думая о том, что пора бы им уже разъехаться, а ему, наконец, снять себе квартиру. Помнится, когда-то давно он уже заводил этот разговор, но мама восприняла его в штыки, потому что «нечего платить чужим людям за съем, надо покупать свое жилье». Денег на свое у Макса, разумеется, не было, а у матери он брать отказался, и все осталось по-прежнему. Но так ведь не может продолжаться вечно, в конце концов, ему двадцать восемь лет, сколько можно жить с родителями? Да и маме он надоел хуже горькой редьки, незачем ей каждый день наблюдать его под боком...

– Что у тебя с рукой? – вопрос выдернул его из прострации и заставил поднять голову от тарелки. Он и сам не заметил, как переложил вилку в правую руку, потому что левой есть было совсем неудобно, но при этом периодически морщился от боли и держался за плечо.

– Да ничего, ерунда, – пробормотал Макс и отхлебнул чай из большой кружки с изображением красной BMW – подарок отца на 23-е февраля...

– А ну-ка, встань, – скомандовала мать. В ее глазах, еще минуту назад потухших и слипающихся от усталости, мгновенно загорелся хищный профессиональный интерес. Здоровье сына для нее всегда стояло на первом месте, и она не жалела на него времени и внимания, чего никак нельзя было сказать о других аспектах его жизни. Максиму всегда казалось, что здесь включается принцип: «Не смогла сделать человеком – так хоть вылечу». Впрочем, он не возражал, если это сделает ее хоть немного счастливой. В конце концов, каждый проявляет любовь по-своему, а в том, что мама его любит, он ни на минуту не сомневался.

Поэтому и сейчас он безропотно поднялся со стула и терпеливо позволил маме себя осмотреть. Терпеливо, насколько мог, потому что оказалось, что каждое прикосновение вызывает острую боль.

Мама быстрым отработанным движением уперлась одной рукой ему в лопатку, а другой потянула за плечо, отчего у Макса тут же потемнело в глазах...

– Э, дружок, да у тебя тут подвывих! – констатировала она с нескрываемым удовольствием, и не успел он опомниться, как она обхватила его сзади под грудью, чуть наклонила вперед и потянула безвольно висящую руку вверх на себя...

В конце Макс все-таки чуть не заорал. Зато по завершении экзекуции с удивлением понял, что в плече что-то встало на место, и он снова может им шевелить.

Мама стояла рядом с сияющими глазами, и кажется, впервые была абсолютно им довольна.

– Ну вот, сейчас наложим гипсовую повязку, и через три недели будешь как новенький... В это время, естественно, никакой работы. Где ты, кстати говоря, так умудрился?..

– Мам, не надо повязку... – Макс робко попробовал воспротивиться. – У меня уже не болит ничего, спасибо.

– Максим, – в голосе матери прорезался металл. – Ты что, хочешь через неделю повторный вывих?.. Если я говорю, надо, значит надо. Ничего, обойдутся без тебя на твоей «Скорой», запросто найдут, кем заменить.

Наверное, она не хотела обидеть и, скорее всего, даже не поняла, что сказала что-то не то. Макс молча смотрел, как мать достает из шкафа медицинский гипс, нарезает широкую марлю и точными выверенными движениями разводит в тазике раствор в пропорции 1:1.

Может, она права, и все на самом деле обойдутся без него? Найдут другого водителя, и никто даже не заметит отсутствия странноватого чудика-эмпата?.. В конце концов, он не великий хирург и даже не санитар, который может спасти жизни, все, что он хорошо умеет – это крутить баранку. Проблема, что ли, посадят вместо него Славика или Димона, дадут им дополнительные смены...

Мир не остановится, земля не рухнет. И никто особо не расстроится, потому что он простой водитель, не представляющий для общества никакой значимой ценности. Да, он умеет сопереживать и чувствовать чужую боль, вот только какой от этого толк?.. Не может он никому помогать, не может и никогда не мог, а все свои мнимые сверхспособности он просто сам себе придумал...

Макс со вздохом протянул руку для перевязки, и, глядя, как мама самозабвенно накладывает на нее гипс, с горькой усмешкой подумал, что хотя бы одного человека сегодня он точно сделал счастливее.

* * *

В мире есть несколько типов людей. Первые точно знают, чего они хотят, и идут к этому семимильными шагами, сметая на своем пути все препятствия. Как правило, это самые успешные и целеустремленные люди.

Вторые не знают, чего хотят, но зато точно знают, чего не хотят, и всеми силами этого избегают – иногда успешно, иногда не очень.

Третьи – пожалуй, им повезло больше всех – вообще особо ничего не хотят, и потому не страдают от нереализованных амбиций и несбывшихся желаний.

А вот четвертые – самая многочисленная и заслуживающая сострадания категория, их еще часто называют «потеряшками» или неудачниками, потому что они всю жизнь упорно ищут себя, но каждый раз где-то не там и зачастую так и не находят.

Но есть и хорошая новость: если вы хоть раз в жизни задавались вопросом «Для чего я рожден?», даже если пока что он принес только разочарование и боль – значит, вам не все равно.

На работу Макс не пошел – позвонил и сказал про вывихнутое плечо, выслушав дежурную порцию охов и пожеланий скорейшего выздоровления. Однако сидеть дома не было ни малейшего желания – пустая квартира давила тишиной и ощущением собственной никчемности – поэтому он оделся, не без труда натянув на загипсованную руку куртку и толстовку, взял со стола в кухне оставшиеся от завтрака полбатона хлеба, и поехал на набережную кормить уток.

Здесь было его любимое место в городе – особенно в будний день, когда обычно оживленная набережная Москвы-реки пустела и из кишашей людьми городской достопримечательности превращалась в тихую гавань, где можно было остановиться и оказаться наедине с собой, хотя бы на время перестать кому-то что-то доказывать.

Утки обрадовались его приходу и жадно набросились на еду. Немудрено, ведь в это время года их практически никто не кормит. Погода и сейчас не располагала к прогулкам: было зябко и промозгло, с Москвы-реки, которая в этом году так и не успела до конца замерзнуть, дул не

самый приятный февральский ветер. Поэтому, кроме Макса и уток, на набережной никого не было. По крайней мере, так казалось.

Макс задумчиво отламывал кусочки хлеба и кидал их в воду, стараясь попадать прямо по центру дежурившей внизу утиной стаи. Пару раз утки подрались, набрасываясь друг на друга с истеричным криком и бешеным хлопанием крыльями.

– Вы что, дурные совсем? – сказал Макс. – Успокойтесь, всем хватит.

Они не поверили и оказались правы – батон очень быстро закончился. Макс чертыхнулся и, нащупав в кармане какую-то мелочь, стал вспоминать, где здесь ближайший магазин.

Мужчина возник перед ним будто из ниоткуда. Макс узнал его сразу, он был одет так же, как вчера – в длинное черное пальто и какую-то несуразную шляпу, надвинутую почти на самые глаза.

Сердце на секунду ухнуло в пятки, но Макс постарался тут же взять себя в руки. Не хватало еще бояться каких-то странных незнакомцев. Ну и что, что внутри у него вместо обычного сгустка человеческих чувств и эмоций – двадцать пять слоев пустой белой ваты? Макс не собирался больше в нее нырять, впрочем, как и убежать от нее тоже – и так вчера вывихнул руку, хватит с него приключений. И вообще, у него своих проблем хватает, что этому камикадзе опять от него понадобилось?..

Макс был интровертом, поэтому в принципе не очень любил разговаривать с людьми, особенно с посторонними, особенно с теми, кто, по всей видимости, второй день зачем-то его преследует. Поэтому он просто стоял и молчал, не сводя с незнакомца полувопросительного взгляда.

Тот тоже какое-то время молчал, задумчиво глядя на реку. Затем сунул руку в карман плаща и неожиданно достал оттуда большую буханку хлеба. Разломил ее на две части и половину протянул Макс, словно приглашая вместе покормить уток.

Макс с сомнением посмотрел на протянутую руку и не двинулся с места. Тогда мужчина вздохнул и, отломив кусок от своей половины, щедрым жестом запустил в реку. Утки с радостным криком бросились к угощению, нетерпеливо расталкивая друг друга крыльями.

– Вот так и в жизни, верно ведь, Макс? – глубокомысленно произнес мужчина. – Почти все стремятся к одному, согласно сложившимся представлениям о том, как нужно жить и чем измеряется успех. Но он ведь не может быть для всех одинаковым, иначе какой во всем этом смысл?..

Макс молчал, и незнакомец бросил на него быстрый взгляд, после чего с легким сожалением спросил:

– Как твое плечо?

Максу хотелось ответить что-нибудь грубое или вовсе не отвечать – но, к сожалению или к счастью, он был не так воспитан, и поэтому коротко буркнул:

– Нормально.

Незнакомец кивнул, будто удовлетворившись этим ответом, и продолжил свою занимательную беседу не то с Максом, не то с самим собой.

– Вообще, что есть успех?.. Мнимые достижения, за которые тебя похвалят и дадут медальку в виде прибавки к жалованью? Или уменьше с точностью до шага скопировать чужой путь? Чтобы, опять же, заслужить этим чье-то одобрение и похвалу. Или все же создать нечто новое, настоящее? А, Макс? Так что для тебя успех?

С этими словами он развернулся к собеседнику и устремил на него цепкий сверлящий взгляд. Утки внизу выжидательно замерли и перестали махать крыльями.

Макс хотел, как и раньше, отмолчаться, но мужчина настойчиво ждал ответа, и он мрачно пожал незагипсованным плечом:

– Не знаю. Я не успешен. Ни в чем.

– Вот! – незнакомец назидательно поднял вверх указательный палец. – Это еще одна ошибка многих. Они считают себя никчемными, не видят свои таланты. Обесценивают их только потому, что кто-то сказал им, что это не таланты, а так, ерунда. И этим они зарывают в землю самое бесценное, что им когда-то было дано.

Сказав это, он как будто разозлился, в сердцах отломил от булки внушительный ломоть и с размахом бросил его в воду, словно собирался не накормить им кого-то, а скорее убить. Впрочем, уток это нисколько не смутило, они тут же набросились на лакомство и принялись делить его с удвоенным энтузиазмом.

Теперь Макс молчал не из-за замкнутости, а потому что действительно не знал, что на это ответить. Он никогда не был силен в философствовании, в том окружении, где он рос и воспитывался, все было предельно просто и однозначно. Были определенные принятые стандарты и требования, те, кто им соответствовали – считались успешными и перспективными, про остальных за глаза, а иногда и прямо в открытую, говорили «он не тянет». Макс никогда не тянул.

– А ведь, если подумать, – обстоятельно продолжал незнакомец. – Любой подлинный успех есть следствие реализации заложенных в нас способностей. Такой успех никак не повторить и не симитировать. Будь то способности к спасению жизней, или передаче определенного заряда, или выравниванию искажений в чужой энергетике. И невозможно определить, что из этого является более важным, ведь зачастую одно не может существовать без другого...

Говоря все это, он продолжал сверлить Макса глазами, будто пытаясь отследить, насколько его слова достигают цели. Какое-то время тот честно пытался переварить услышанное, потом тряхнул головой и непонимающе спросил:

– Что вы от меня хотите?

– Вот, мы и подобрались к сути, – с облегчением произнес собеседник, как будто радуясь, что предисловия наконец-то можно закончить. Он повторно протянул Максу половину булки, сопроводив этот жест настойчивым:

– Бери.

Макс почему-то послушался и стал методично крошить булку в воду, отчего утиная стая тут же проворно метнулась в его сторону. Незнакомец одобрительно усмехнулся и продолжил:

– Дело в том, что у тебя есть очень важная способность, которая многим может помочь. Ты о ней наверняка знаешь и даже иногда используешь – но, к сожалению, сейчас почти всегда вхолостую.

Макс слушал, затаив дыхание.

– Между тем, стране очень нужны такие люди, как ты, Макс. На сегодняшний день вас очень мало, – он болезненно поморщился. – Если не сказать, единицы. А в Москве – так и вовсе только ты. Вот потому я и обращаюсь к тебе с просьбой о помощи.

Он снова повернулся и теперь испепелял Макса пронзительным оценивающим взглядом из-под шляпы. Макс подумал, что, пожалуй, на просьбу о помощи это похоже меньше всего, а вслух недоверчиво сказал:

– Но я ничего не умею, я простой водитель. Вы же сами знаете... Каким образом я могу помочь стране?

– Вот и отлично! – почему-то несказанно обрадовался собеседник. – Тебе и не надо больше ничего уметь. По сути, ничего не изменится. Ты и дальше будешь водителем, будешь продолжать делать все то, что делал на «Скорой»... – на этом месте он заговорщически подмигнул. – Только теперь все то же самое нужно будет делать не для всех подряд, а только для одного человека.

– Для какого?.. – Макс ощутил внезапную слабость в ногах.

– Для важного, Макс, – взгляд собеседника из лукавого вмиг сделался крайне серьезным. – Для очень важного. Если все получится, он выведет нашу страну на новый уровень. И в нашей с тобой зоне ответственности сделать так, чтобы все получилось.

– Я не смогу... – пробормотал Макс, чувствуя, как голос предательски подводит. – Я никогда ничего такого не делал. Честно, вам лучше выбрать кого-то другого. Я не гожусь для этой миссии. Я даже не могу съехать от матери. Ни одно дело в своей жизни не довожу до конца. У меня просто не хватит сил.

– Не волнуйся, – Макс почувствовал, как на его плечо легла и успокаивающе похлопала неожиданной тяжелой рукой. – Ты будешь не один. У тебя будет помощница, – собеседник многообещающе ухмыльнулся. – Уж у нее-то точно хватит на все сил.

* * *

– Какой-то он хлипкий совсем. Думаешь, потянет? – долговязый мужчина с глазами альбиноса с сомнением взглянул на своего низкорослого спутника.

– Еще как потянет, – тот усмехнулся и, бросив в воду остатки булки, отряхнул руки от хлебных крошек. – Он для нас настоящее сокровище, и он как раз сейчас входит в силу. Просто ему об этом еще никто не говорил.

– Ну-ну, – альбинос усмехнулся и сунул руки в карманы, будто желая защититься от подувшего с реки морозного ветра. – Смотри, как бы не запартачил нам все дело.

– Не бойся, не запартачит, – в тон ему отозвался собеседник. – Смотри, как бы Лиза твоя не запартачила. Она ведь еще даже не согласилась, насколько мне известно?..

– И ты, и я знаем, что согласится, – альбинос беспечно пожал плечами. – Причем совсем скоро. Буквально со дня на день.

– Конечно, – хохотнул мужчина в шляпе. – Что ты там за чушь ей наобещал? Про небывалый успех и головокружительную карьеру в стриптизе? Не стыдно было врать хоть? Вот что ты за человек, Давид...

– Во-первых, не чушь, – резко перебил альбинос. – Это называется «мотивация», и она для каждого своя. Если твоего можно вдохновить спасением мира, то с моей только так. А во-вторых, кто сказал, что это неправда? Ведь в конечном счете, все зависит от них...

– Вот это-то и пугает, – человек в шляпе достал из кармана зажигалку и стал нервно крутить ее между пальцами. – Как, думаешь, у них получится?

– Да пес их знает. – Альбинос вытащил сигареты, бесцеремонно забрал у собеседника зажигалку и закурил. – Если мы все верно рассчитали, то должно и еще как. А если нет...

– «Нет» быть не может, – твердо перебил спутник. – Никого другого искать уже нет возможности. Мы не имеем права на ошибку, поэтому только они.

Помолчав минуту, он попросил:

– Дай закурить.

– Ты же бросил, – усмехнулся альбинос, но все-таки вытащил из пачки сигарету и протянул человеку в шляпе.

– Бросил, – кивнул тот и жадно затянулся. – Но ты заставил меня занервничать. Слишком многое поставлено на карту.

– А ты не нервничай, Фарид, – альбинос слегка прищурил белесые глаза и со вкусом выпустил дым аккурат над головой собеседника. – В конце концов, а мы здесь для чего? Это и наша задача – сделать так, чтобы у них получилось. Все будет хорошо.

Часть 3. Москва

Самолет стремительно набирал высоту. Взлетная полоса, чуть тронутая наледью, унеслась куда-то вниз и очень быстро превратилась в едва различимую точку, которая затем вовсе исчезла из виду, растворившись в ландшафте.

Он пристально вглядывался в иллюминатор. В каждом полете это было его обязательным ритуалом – до последнего смотреть вниз на землю, словно договариваясь с ней о следующей встрече. Нет, он не боялся летать, но свято верил в незыблемость традиций, и экипаж почтительно разделял с ним эту веру.

Он давно потерял счет полетам, и, насколько прочно они вошли в его жизнь и стали частью его повседневности, настолько же неотделимо вошли в нее и эти люди. Они точно знали, что он любит есть на обед, завтрак или ужин, через какое время после взлета ему нужно подать воду без газа и зеленый чай, а в какое лучше не беспокоить, потому что он погружен в работу.

На борту Ил-96 он уже давно был дорогим и важным гостем. О нем заботились, как о Главном пассажире, и он ценил эту заботу, потому что знал: в любом деле надежный и преданный экипаж – это половина успеха. Сейчас успех был нужен ему, как никогда.

Огни Санкт-Петербурга остались позади, теперь за иллюминатором медленно проплывали кучевые облака. Он отстегнул ремень безопасности, и к нему тут же подошла бортпроводница – ее даже не надо было звать. Лена обслуживала пассажиров Ил-96 много лет и точно знала, что и в какое время для них нужно делать.

– Чаю, Вадим Вадимович? – уточнила она с неизменно искренней и заботливой улыбкой.

– Да, – он вежливо кивнул и благодарно улыбнулся в ответ. – Спасибо.

Бросив на нее короткий, отточенный до автоматизма взгляд, он с неожиданной теплотой подумал, как было бы здорово, если бы все могли относиться к своей работе так, как она – как к призванию. Кто знает, может, тогда меньше было бы закулисных интриг, подковерных игр и прочих тщательно продуманных комбинаций... Если бы все работали, как слаженный экипаж самолета, каждый выполнял свою задачу и не лез в чужую ипостась – бортпроводники ведь не вторгаются в зону ответственности пилотов, а те не вмешиваются в процесс организации обслуживания и питания... Жаль, что такая простая и эффективная схема в мире большой политики оказывается совершенно нежизнеспособной.

Когда-то он попал сюда совершенно случайно, это не было мечтой или Великой целью. Если бы не Шеф, которому он обязан всем, который поверил в него и открыл перед ним двери – все это было бы невозможно. Да, если бы не Шеф, он бы сейчас здесь не сидел.

Воспоминания давались нелегко, и, чтобы не погружаться в них, он открыл дипломат и разложил бумаги на широком столе из темного карельского дерева. Лена принесла чай, заваренный ровно так, как он любил, и аккуратно поставила чашку в стороне, чтобы не мешать. Под равномерный гул турбин он поудобнее устроился в просторном кожаном кресле и взял в руки первый документ, однако тут же поймал себя на том, что плохо понимает, что в нем написано. Буквы кружились в затейливом хороводе, но в слова и предложения никак не складывались. Почему-то перед глазами настойчиво всплывал далекий 1990-й год...

Он всегда смотрел на него снизу вверх и ощущал себя рядом с ним полнейшим мальчишкой. Бывают такие люди, которых можно слушать бесконечно долго, потому что, когда они говорят, у тебя возникает ни с чем не сравнимое чувство, что наконец-то ты слышишь то, что всегда знал, но не осмеливался произнести вслух.

Шеф с первой встречи стал для него кумиром, которому он сначала долго молчаливо и преданно внимал издали – а потом набрался смелости, чтобы подойти и предложить свои услуги.

Наверно, он никогда не забудет этот день, когда решительно растолкал народ, жадно ловивший каждое слово этого мудрого и харизматичного лидера, пробился к трибунам и, не скрывая своего волнения, попросил:

– Уважаемый Александр Анатольевич! Я ваш преданный поклонник, и мне бы очень хотелось что-то для вас сделать. Разрешите, я буду помогать вам, чем угодно?..

Шеф посмотрел на него с дружелюбным любопытством, в котором не было ни капли высокомерия, и весело ответил:

– Помощь, она никогда не лишняя. А что вы умеете делать?

И он, не веря своей удаче, как можно быстрее, чтобы не упустить момент, ляпнул:

– Хотите, я буду вашим шофером?..

Так он стал сначала водителем, затем личным помощником. Тогда он еще не знал, что с этого момента началась его карьера, которая, закручиваясь стремительно, по спирали, в конце концов приведет его в точку настоящего. Только кто же он в этой точке – здесь и сейчас?..

Самолет ощутимо трянуло, словно напоминая о том, что пора возвращаться к насущным вопросам. Он во второй раз решительно взял в руки документ, на котором в самом верху строгим официальным шрифтом без засечек красовался заголовок «План предвыборной кампании Президента Российской Федерации». Ниже шел мелкий убористый текст, разделенный на пункты и подпункты, миссии и цели, плавно переходящие в задачи и подзадачи. Он усилием воли заставил себя сконцентрироваться на них, примерить, как костюм, представить, как планомерно будет все это реализовывать – он ведь умеет достигать поставленных целей... Да, но вот только его ли это цели?..

Неожиданно совершенно некстати в памяти всплыли слова шефа, даже не услышанные лично от него, а прочитанные очень давно в каком-то журнале:

«Если можете, уходите из политики. Она опустошает, подминает под себя, делает людей эмоциональными и нравственными инвалидами. У них нет времени на простые радости, потому что они постоянно заняты решением сотни тысяч проблем. Они не умеют расслабляться, потому что каждую секунду от их решения зависит чья-то судьба. Они теряют друзей и любимых, потому что начинают жить и мыслить другими категориями... Политика – это действительно судьбоносный выбор, но, если есть возможность, то лучше ее не выбирать...»

На секунду он устало прикрыл глаза и подумал: а был ли у него выбор? Была ли эта самая возможность решительно отказаться – когда он в первый раз сказал «Я не готов», но там, наверху его не захотели услышать? Мог ли он настоять на своем?..

Интересно, что на это сказал бы Шеф. У него всегда и на все было свое мнение. Может, стоило его послушать?.. Кто знает, может, если бы он отказался тогда, то все было бы по-другому? И Шеф бы где-то рядом, как всегда, остроумно и проникательно шутил над происходящим. И ему не пришлось бы сейчас возвращаться с его похорон...

– Вадим Вадимович, наш полет подходит к концу, – вырвал его из раздумий приятный мягкий тембр пилота. – Через двадцать минут мы прибудем в аэропорт Внуково.

Он посмотрел в иллюминатор. Облака стали более рассеянными и редкими, кое-где сквозь них даже проглядывала земля. Значит, пути назад нет.

– Ну, здравствуй, Москва. – Сказал он, будто приняв для себя какое-то решение, и, аккуратно сложив все документы обратно в дипломат, твердым движением защелкнул на поясе ремень безопасности.

* * *

Москва встретила Лизу дешевым самолетным кофе и густым предрассветным туманом в иллюминаторе. Она не выпалась, да и какой сон может быть в эконом-классе? Ей досталось

место в проходе, и всю ночь мимо нее сновали то стюардессы с тележками, то соседи, которым приспичило в туалет, и они не могли попасть туда никак иначе, чем через Лизины ноги.

К утру она все же смогла задремать, но открыла глаза совершенно разбитой и, отхлебнув из пластикового стаканчика растворимый кофе, поняла, что хочет обратно домой.

Какого лешего она вообще здесь делает?! Зачем согласилась на это откровенно сомнительное предложение? По складу характера Лизу никто бы не смог назвать глупой или наивной, скорее, наоборот – в жизни она любила продумывать все до мелочей и почти никому не доверяла. Тем более странно, что полужнакомый человек с глазами альбиноса смог сподвигнуть ее на такой несвойственный ей поступок, смысл которого она пыталась понять, усиленно разминая затекшие за ночь конечности.

Она раздумывала почти неделю. До последнего не собиралась звонить по номеру, оставленному альбиносом. В конце концов, она ведь уже не ребенок, чтобы вестись на подобную ерунду. Вот только из головы почему-то никак не шли его слова, сказанные в клубе:

«Если не попробуешь – так и не узнаешь, на что ты на самом деле способна. Так и будешь выступать тайком во второсортных провинциальных клубах да напиваться в забегаловках до поросычьего визга. А все от нереализованности...»

Получается, все же ему удалось ее зацепить. Как не хотелось Лизе это признавать, но он был прав, этот человек с белесыми глазами и жутковатым бледным лицом. Всего несколько раз увидев, он смог понять ее лучше, чем многие из тех, с кем она была знакома всю жизнь. Разумеется, это никакой не показатель того, что ему можно доверять. Понятно, что у него есть во всем этом какой-то свой интерес. Знать бы еще, какой именно...

Промучившись этими мыслями неделю, она все-таки позвонила. Он взял трубку сразу же, будто ждал. Только потом Лиза догадалась, что, скорее всего, это был номер мобильного, замаскированный под городской.

– А, Лиза! Здравствуй, здравствуй, – в голосе прозвучала неподдельная радость, как от звонка старого товарища. – Я уж думал, не позвонишь. Молодец.

«Все ты врешь», – подумала она, а вслух сухо спросила:

– Я не опоздала? Ваше предложение еще в силе?

– Нет, солнце. Ты как раз вовремя, – ей показало, что на том конце провода он тихонько засмеялся. – Ну как, готова встряхнуть столицу?

Помолчав несколько секунд, Лиза спросила:

– Что я должна делать?

– Ты? Ничего, – на этот раз он открыто и весело хохотнул. – Просто будь собой, это все, что мне от тебя нужно.

– А конкретно? – недоверчиво уточнила Лиза.

Он ответил после короткой паузы:

– Прилетай в Москву, дальше я тебе все расскажу. Прямо сейчас езжай в аэропорт и бери билет на завтрашний рейс, ночью вылетишь, к утру будешь в Москве. Я тебя встречу. Успеешь собраться?..

* * *

В туалете Лиза достала из сумочки помаду и расческу и постаралась, как смогла, привести себя в порядок. Природа и тут обошлась с ней очень ласково: стрессы и недосып на ее внешности практически не отражались, следы плохого сна выдавали лишь легкие покраснения глаз, которые Лиза устранила предусмотрительно захваченными из дома каплями. Пара штрихов освежающего макияжа довершили свое дело – теперь из зеркала на нее смотрела розовощекая блондинка с чуть подведенными алыми губами и задорно блестящими глазами.

– Ну, держись, Москва, – с вызовом сказала Лиза в зеркало. – Я иду.

Самолет мягко коснулся земли и стремительно покатился по посадочной полосе. «Ну вот, теперь пути назад нет» – подумала Лиза и решительно отстегнула ремень безопасности.

Она ступила на трап одной из первых – и тут же поскользнулась на своих десятисантиметровых каблуках. Какой-то парень вежливо придержал ее за локоть, и девушка в знак благодарности одарила его королевской улыбкой.

Ступив на столичную землю, она оглянулась и с интересом посмотрела вокруг. Ничего особенного, аэропорт как аэропорт, земля как земля. С неба сыпал мелкий пушистый снежок, который тут же таял на волосах и лице, смешиваясь с недавно сделанным макияжем. Лиза предусмотрительно натянула на голову капюшон и ускорила шаг.

В автобусе она мгновенно оказалась зажата в угол набежавшей с самолета толпой. Ощувтив внезапно обострившийся инстинкт самосохранения, девушка обхватила руками сумку и изо всех сил прижала ее к груди. Уже на подъезде к зданию аэропорта она повторно почувствовала легкий укол паники: куда она приехала? Зачем? Что собирается здесь делать? Может, получить багаж и сразу полететь обратно домой?.. Однако развить эту мысль Лизе не удалось: толпа вновь подхватила ее и, не давая опомниться и проанализировать происходящее, стремительно понесла вперед.

Дальше все было как в тумане. Спустя каких-то двадцать минут Лиза уже стояла возле выхода с чемоданом наперевес и растерянно оглядывалась по сторонам. Теперь она очень остро чувствовала энергетику столицы: в их маленьком провинциальном аэропорту никогда не собиралось столько народу, и вообще, он казался таким домашним и уютным по сравнению с этим огромным муравейником, в котором люди постоянно сновали туда-сюда.

«Если здесь так, то что же творится снаружи?» – подумала Лиза и на всякий случай свободной рукой поплотнее прижала сумку к плечу. Она была не из пугливых, но сейчас почему-то растерялась и поняла, что не знает, что ей делать дальше и куда идти. Где искать этого Давида? А что, если он вообще не пришел?..

Она еще раз оглянулась вокруг в поисках знакомой долговязой фигуры и белых глаз-прожекторов, но это было бесполезно: слишком много людей вокруг. Как, черт возьми, он собирался здесь ее искать?

– Девушка, девушка, такси до Красной площади, поехали, не дорого, – неожиданно затараторили ей в ухо, и Лиза к своему неудовольствию обнаружила рядом с собой мужика откровенно кавказской национальности, норовящего взять ее за локоть и настойчиво машущего рукой в сторону выхода...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.